

ПОСЛЕДНИЙ ЦИКЛ

СЕРГЕЙ КРАВЦОВ

R-17

Сергей Кравцов

Последний цикл

<https://litres.ru/74317232>

SelfPub; 2026

Аннотация

У берегов Борнхольма подводная экспедиция обнаруживает объект, которого не должно существовать.

Первое прикосновение нарушает работу приборов. Первое измерение меняет расстояние. Первая попытка объяснить находку превращает наблюдателей в часть эксперимента.

Вскоре граница R-17 выходит за пределы морского дна. Она проходит через человеческое тело, память и события, которые ещё не произошли. Записи появляются раньше, чем их успевают написать. Предметы оказываются там, где никогда не были. А каждое наблюдение делает невозможное всё более реальным.

Чтобы выжить, Александр и Мира должны остановить причинную цепь, которая стремится замкнуться.

Но что, если завершение цикла — именно то, чего от них ждёт реальность?

Содержание

Глава	4
Глава 1	8
Ниже линии берега	8
Глава 2	40
Седьмая минута	40
Глава 3	64
Между шестью и пятью	64
Глава 4	106
Берег, которого нет	106
Глава 5	151
Нулевая отметка	151
Глава 6	192
Часы, которые нельзя сверять	192
Конец ознакомительного фрагмента.	227

Последний цикл

Глава

СЕРГЕЙ КРАВЦОВ

ПОСЛЕДНИЙ ЦИКЛ

Научно-фантастический триллер

16+

Выходные данные

Кравцов Сергей Николаевич

Последний цикл: роман

© Кравцов Сергей Николаевич, 2026

Все права защищены. Никакая часть настоящего издания не может быть воспроизведена или распространена без письменного разрешения правообладателя, кроме случаев, предусмотренных законодательством Российской Федерации.

Возрастное ограничение: 16+

Все персонажи и организации, за исключением общеизвестных географических объектов, являются вымышленными. Возможные совпадения случайны. Архивные материалы, документы и служебные обозначения, представленные в книге, являются частью художественного произведения.

Аннотация

У берегов Борнхольма подводная экспедиция обнаружи-

вает объект, которого не должно существовать.

Первое прикосновение нарушает работу приборов. Первое измерение меняет расстояние. Первая попытка объяснить находку превращает наблюдателей в часть эксперимента.

Вскоре граница R-17 проходит уже не только через морское дно, но и через человеческое тело, память и события, которые ещё не произошли. Записи появляются раньше, чем их успевают написать. Предметы оказываются там, где никогда не были. А каждое наблюдение делает невозможное всё более реальным.

Чтобы выжить, Александр и Мира должны остановить причинную цепь, которая стремится замкнуться.

Но что, если завершение цикла — именно то, чего от них ждёт реальность?

Глава 1

Ниже линии берега

Остров появился после дождя.

Сначала Александр увидел только тёмную полосу между морем и небом. Потом из неё медленно поднялись портовые краны, белая башня маяка и тесные красные крыши Рённе. Всё остальное ещё скрывалось в серой мороси, и казалось, что паром подходит не к земле, а к её незаконченной копии.

На стекле перед Александром дрожала капля. Она долго держалась на месте, затем сорвалась и перечеркнула отражение его лица.

Он отвернулся.

Внизу, под пассажирской палубой, что-то ударило в корпус.

Один раз.

Через несколько секунд — второй.

Пожилой мужчина рядом даже не поднял головы. Девочка у окна прижала ладонь к стеклу и пыталась сосчитать чашек. Кофейный автомат продолжал урчать, выплёвывая воду в переполненный поддон.

Третий удар был тише первых двух.

Александр посмотрел на часы.

До прибытия оставалось одиннадцать минут.

Он прислушался, но теперь слышал только двигатель, ветер и мягкий треск пластиковых панелей. Обычные звуки старого парома. Металл работал на волне, крепления отдавали нагрузку, внутри корпуса перемещалась вода.

Объяснение нашлось сразу.

Как почти всегда.

Телефон завибрировал в кармане.

Мира:

Западный выход. Серый микроавтобус. Отходим в 09:40.

Ни приветствия, ни вопроса, как прошла дорога.

Александр посмотрел на время отправки. Сообщение пришло в четыре снадцать утра.

Он написал:

Я уже вижу остров.

Ответ появился почти сразу:

Остров здесь давно.

Александр усмехнулся.

Мира тоже не изменилась.

По крайней мере, в сообщениях.

Паром сбросил ход. За окном порт становился отчётливее: мокрый бетон причала, контейнеры, жёлтые машины, рыбацкие суда с высокими носами. За промышленной частью города виднелась церковная колокольня. Её медный шпиль позеленел от времени и теперь почти сливался с мо-

рем.

Александр знал Рёнке по картам, спутниковым снимкам и нескольким довоенным фотографиям. Небольшой город на западном берегу Борнхольма. Датский остров в Балтийском море. Гранит, старые карьеры, рыбацкие гавани, туристы летом. Место, рядом с которым не должно было находиться ничего, способного потребовать его присутствия.

Тем более срочного.

Он перечитал вчерашнее письмо Миры.

В нём было всего четыре строки.

Обследуем объект западнее Рёнке. Глубина двадцать два метра. Предварительно — искусственная обработка камня. Нужна независимая оценка до начала подъёмных работ.

И ниже:

Я не вызвала бы тебя ради обычной скалы.

Последняя фраза и привезла его сюда.

Не фотографии. Не слово «объект». Даже не подпись Института подводной археологии.

Мира знала, что именно нужно написать.

Четыре года они не виделись. Дважды говорили по телефону, оба раза по работе. Один раз она поздравила его с днём рождения — на следующий день и без точки в конце. Он долго думал, был ли этот пропуск случайным.

Потом решил, что ему всё равно.

Теперь, стоя на пароме с дорожной сумкой у ног, Александр понимал, что решение оказалось временным.

Корпус снова отозвался глухим стуком.

Уже без ритма.

Рампа готовилась к открытию.

Рённе встретил его запахом мокрой верёвки, дизеля и свежего хлеба.

Дождь закончился, но воздух оставался наполнен мельчайшей влагой. Она оседала на куртке и волосах, проникала за воротник. Чайки кричали над крышами складов так, словно спорили о чём-то давно решённом.

Мира ждала возле микроавтобуса.

Александр узнал её раньше, чем увидел лицо.

Та же прямая спина. Та же привычка держать одну руку в кармане. Те же собранные волосы, которые ветер не мог растрепать, потому что Мира никогда не оставляла ветру такой возможности.

Она смотрела не на поток пассажиров, а прямо на него.

За четыре года в её лице появилось что-то новое. Не усталость и не возраст. Скорее отсутствие желания скрывать усталость от тех, кто не заслуживал усилий.

Александр остановился перед ней.

— Здравствуй.

— Здравствуй.

Мира посмотрела на часы.

— Семь минут запаса.

— Девять.

— Две минуты ты стоял на палубе и разглядывал город.

— Ты следила?

— Я смотрела, не вышел ли ты с другого выхода.

Он протянул ей руку.

Мира коротко пожала её. Пальцы были холодными.

— Хорошая встреча, — сказал Александр. — Почти человеческая.

— Человеческая была бы дольше. Мы опаздываем.

Она открыла багажник.

Александр поставил внутрь сумку.

— Ты написала, что отходим в девять сорок.

— Так и есть.

— Сейчас девять двенадцать.

— Нужно ещё доехать, погрузить оборудование и объяснить капитану, почему на борту появился человек, который заранее считает нашу работу ошибкой.

— Я пока ничего не считаю.

— Это ненадолго.

Мира захлопнула багажник и села за руль.

Александр обошёл микроавтобус.

На пассажирском сиденье лежала бумажная папка, перетянутая широкой резинкой. На обложке было написано:

УЧАСТОК R-17. ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ОБСЛЕДОВАНИЕ.

Внизу — от руки:

Не читать в движении. Тебя укачивает.

Александр поднял папку.

— Ты всё ещё помнишь?

— Я всё ещё не хочу отмывать машину.

Он положил папку на колени.

Мира вывела микроавтобус с территории порта.

Город оказался ниже, чем представлялся с моря. Дома стояли тесно, пряча узкие дворы от ветра. Мокрая брусчатка отражала окна, вывески и красные фасады. У пекарни женщина выносила на улицу деревянную доску с меню. Велосипедист в жёлтом дождевике остановился, пропуская машину, хотя имел преимущество.

На секунду Александру показалось, что он приехал не на работу, а в место, где можно было бы прожить несколько спокойных дней. Утром покупать хлеб. Днём ходить вдоль моря. Вечером возвращаться в тёплый дом, где тебя ждут не потому, что обнаружили нечто необъяснимое.

Мысль была настолько чужой, что он сразу отбросил её.

— Ты давно здесь? — спросил он.

— Двенадцать дней.

— И всё это время молчала.

— Первые семь дней рассказывать было не о чем.

— А потом?

Мира не ответила сразу.

Микроавтобус свернул на улицу, с которой между домами открылось море.

— Потом мы увидели край, — сказала она.

— Какой край?

— Слишком ровный.

— Это не научное определение.

— Именно поэтому я вызвала тебя.

Александр посмотрел на неё.

— Ты могла отправить материалы.

— Я отправила.

— Три снимка и карту глубин без координат.

— Координаты получают после подписания допуска.

— Я его не подписал.

— Подпишешь на судне.

— А если нет?

— Тогда будешь любоваться Рённо до обратного парома.

Он улыбнулся, но Мира не поддержала.

Раньше ей нравились их споры. Не сами слова — сопротивление. Возможность заставить его точнее формулировать мысль. Теперь она разговаривала с ним так, словно заранее знала предел необходимого.

— Почему именно я? — спросил Александр.

— Потому что ты не веришь в затонувшие цивилизации.

— Я верю в затонувшие поселения.

— Но не в цивилизации.

— Это разные вещи.

— Поэтому ты здесь.

— Для того чтобы сказать, что вы нашли естественный

выход породы?

— Для того чтобы ты попытался это доказать.

Мира остановилась на перекрёстке.

Пока они ждали зелёного, она посмотрела на него впервые с момента выезда.

— И ещё потому, что ты не станешь врать мне из вежливости.

— Раньше это тебя раздражало.

— Раньше меня раздражали другие вещи.

Светофор переключился.

Мира снова смотрела на дорогу.

Александр не спросил, какие именно.

Он и так знал.

Исследовательское судно стояло у старого причала, вдали от туристических яхт и прогулочных катеров.

На борту белыми буквами было написано: **FREJA**.

«Фрейя» выглядела не как судно из документальных фильмов, а как место, где действительно работали: потёртая палуба, следы ржавчины у креплений, свёрнутые шланги, тяжёлая лебёдка на корме. Возле борта лежал дистанционный подводный аппарат — серый корпус на металлической раме, камеры под прозрачными колпаками, два коротких манипулятора.

Рядом с ним на корточках сидел худой мужчина в очках

и проверял кабель.

— Томас, — позвала Мира.

Мужчина поднял голову.

— Это Александр Ветров.

— Тот самый?

— Смотря что вам рассказали.

Томас встал и вытер ладонь о штанину.

— Что вы умеете объяснить практически всё.

— Обычно люди жалуются на обратное.

Томас пожал ему руку.

Ему было около тридцати. Светлые волосы промокли и прилипли ко лбу. Перед тем как снова наклониться к аппарату, он дважды провёл большим пальцем по боковому шву брюк.

— Канал всё ещё шумит? — спросила Мира.

— С утра чисто.

— Значит, вчера?

— Отражение.

— От чего?

Томас покосился на Александра.

— От дна.

— Дно часто отражает сигналы, — сказал Александр.

— Да.

— Почему вы говорите так, будто вчера оно сделало это неправильно?

Томас посмотрел на Миру.

— Я ничего не говорил.

— Именно.

С рубки спустился высокий седой мужчина в синем комбинезоне. В уголке рта он держал зубочистку.

— Капитан Нильс Кристиансен, — представила Мира. — Александр Ветров, независимый консультант.

Нильс протянул руку.

— Независимый от кого?

— Пока от всех, — ответил Александр.

— Хорошая должность. Платят обычно хуже, зато виноваты всегда остальные.

Он говорил на английском с мягким датским акцентом. Зубочистка перемещалась из одного уголка рта в другой перед каждой фразой.

— Мира сказала, вы считаете нашу стену камнем.

— Стена тоже может быть камнем.

Нильс усмехнулся.

— Тогда вы точно учёный.

Он отошёл к лебёдке.

Мира протянула Александру планшет с документом.

— Подпись внизу.

— Что я не разглашаю координаты, изображения и результаты обследования?

— И не предпринимаешь самостоятельных погружений.

— Вы добавили это из-за меня?

— Из-за людей вообще.

Александр подписал.

— Теперь можно смотреть папку?

— Теперь нужно отходить.

На часах было девять тридцать восемь.

Рённе остался за кормой через несколько минут.

Сначала исчезли люди на причале. Затем машины, окна и вывески. Дольше всего над городом держались портовые краны и зелёный шпиль церкви.

Море за пределами гавани оказалось спокойнее, чем ожидал Александр. Низкая волна лениво поднимала судно и опускала его, почти не нарушая равновесия. Ветер тянул холодом, но облака начинали расходиться, и вода местами становилась серебряной.

Мира нашла его на корме.

Она принесла две кружки.

— Без сахара, — сказала она.

Александр взял кофе.

— Спасибо.

Мира встала рядом.

Они смотрели, как остров медленно отдаляется.

— Ты могла просто позвонить, — сказал Александр.

— Я звонила четыре года назад.

Он почувствовал, как кружка нагревает ладони.

— Я был в аэропорту.

— Ты был в городе.

— Рейс отменили. Я узнал поздно.

— Заседание шло пять часов.

— Я знаю.

— Ты мог приехать на последние четыре.

Александр отпил кофе. Он оказался слишком горячим.

— От моего присутствия решение не изменилось бы.

— Я просила не менять решение.

— Мира...

— Я просила тебя сидеть рядом.

Ветер сорвал с поверхности кружки тонкий пар.

Александр смотрел на море.

В тот день комиссия разбирала провал экспедиции в Эгейском море. Повреждённое оборудование. Утраченные образцы. Нарушенный протокол погружения. Один человек в больнице. Мира руководила группой и формально отвечала за всё.

Александр знал, что она не была виновата.

Он также знал, что мог это сказать.

Но не приехал.

Сначала потому, что опоздал бы к началу. Потом потому, что опоздание стало слишком большим. Затем потому, что каждый следующий час делал появление ещё более трудным.

К вечеру он уже убедил себя, что его присутствие ничего не изменит.

Так трусость иногда маскировалась под логику.

— Я должен был приехать, — сказал он.

Мира кивнула.

Без упрёка. Без облегчения.

Просто приняла факт, который не нуждался в обсуждении.

— Почему сейчас? — спросил Александр. — Почему всё-таки позвала меня?

— Потому что объект не имеет отношения к нам.

— Это не ответ.

— Другого пока нет.

Она поставила кружку на ограждение.

— Пойдём. Покажу, что нашли.

В кают-компании пахло кофе, металлом и влажной одеждой.

Мира разложила на столе распечатки.

На первой была карта морского дна. Бледные полосы обозначали проходы гидролокатора. В центре тянулся неровный уступ длиной чуть больше тридцати метров.

— Обнаружили во время проверки старой кабельной трассы, — сказала она. — Оператор увидел акустическую тень. Компания передала данные местным властям, те — университету. Мы пришли сюда как консультанты.

Александр склонился над картой.

— Высота?

— От метра шестидесяти до двух метров.

— Длина видимой части?

— Тридцать четыре. Оба края уходят под осадок.

— Направление?

— Почти север — юг.

— Порода?

— Предварительно гранит.

Александр поднял глаза.

— На Борнхольме нашли гранит. Пока сенсации нет.

Мира положила перед ним второй лист.

Боковой сонар показывал светлую полосу и тёмную вытянутую тень. Верхняя граница уступа была неровной, но сохраняла направление на всей длине.

— Естественная трещина, — сказал Александр. — Или край ледникового отложения.

— Возможно.

— Ты всегда отвечаешь так, когда не согласна?

— Теперь — да.

Следующая фотография была сделана подводной камерой.

Каменная поверхность поднималась из песка почти вертикально. На ней виднелись трещины, мидии и светлые пятна морских организмов.

Никакой стены Александр не увидел.

Только камень, которому человеческий глаз хотел придать знакомую форму.

— Освещение неудачное, — сказал он. — Прямой свет убирает рельеф. Любой выступ будет выглядеть плоскостью.

— Мы это учли.

Мира перевернула фотографию.

В боковом свете поверхность стала грубее. Пространство распалось на выступы и трещины.

Александр почувствовал знакомое удовлетворение.

— Вот. Обычная структура.

— Смотри ниже.

Он посмотрел.

В нижней части кадра находились семь неглубоких борозд. Почти параллельных. Они пересекали естественную трещину и продолжались за ней.

Чуть правее линии сходились у спирального углубления.

Под спиралью были три круглые ямки.

— Размер? — спросил Александр.

— Вся композиция около шестидесяти сантиметров.

— Следы донной техники.

— На вертикальной поверхности.

— Камень мог изменить положение.

— Он связан с основанием.

— Лёд.

— Возможно.

Александр взял увеличительное стекло, лежавшее рядом с папкой.

— Ты подготовилась.

— Ты шуришься, когда не хочешь надевать очки.

— У меня нет очков.

— Поэтому и шуришься.

Он поднёс фотографию ближе.

Края борозд были слишком размыты, чтобы сделать вывод. Их могли создать инструментом. Могли — ледником, движущимся камнем, корнями, организмами, чем угодно. Под водой даже свежая царапина быстро начинала выглядеть древней.

— Здесь нет данных для датировки, — сказал Александр.

— Согласна.

— Нет уверенности, что линии связаны между собой.

— Согласна.

— И нет оснований считать их искусственными.

— Пока нет.

Мира положила перед ним последнюю фотографию.

На поверхности виднелся прямоугольный контур. Неидеальный, местами исчезающий под наростами, но замкнутый.

— Это что?

— То, ради чего ты приехал.

— Трещины.

— Нижний край смещается.

— Камень двигается?

— На несколько миллиметров.

— Из-за течения.

— Течение идёт вдоль поверхности.

— Из-за давления воды в полости.

— Возможно.

Александр посмотрел на неё.

— За ним действительно есть полость?

— Мы не знаем.

— Не пытались открыть?

— Манипулятор соскользнул. После этого я остановила работу.

— Почему?

— Потому что не хотела сломать то, происхождение чего мы не понимаем.

Это было похоже на Миру.

Не осторожность из страха. Осторожность из уважения к неизвестному.

Судно слегка накренилось.

Где-то над ними капитан изменил ход.

— Сколько до точки? — спросил Александр.

— Три минуты.

— И что ты хочешь от меня?

— Посмотришь изображение в реальном времени. Если решишь, что это естественная структура, мы ограничимся съёмкой.

— А если не решу?

— Спустимся.

— Мы?

— Ты и я.

— Я четыре года не нырял.

— Три года и восемь месяцев.

Александр медленно отложил фотографию.

— Ты считала?

— Дата есть в отчёте.

Мира собрала листы.

— Решишь на месте.

Точка ничем не отличалась от окружающего моря.

Берег Борнхольма превратился в далёкую тёмную линию.

Вокруг не было ни буёв, ни скал, ни других судов. Только вода и небо, почти одинаковые по цвету.

«Фрейя» остановилась над координатами, удерживаясь двигателями против ветра.

Томас сидел перед экранами в рубке. Один показывал карту глубин, другой — изображение камеры, третий — параметры подводного аппарата.

На корме лебёдка подняла «Манту» над палубой.

Аппарат качнулся и ушёл за борт.

Камера на экране показала вспененную воду, затем зелёную глубину. В лучах прожекторов двигались частицы — медленно, бесконечно, словно аппарат падал сквозь неподвижный снег.

Александр встал за спиной Томаса.

— Пять метров, — сказал тот.

Кабель сходил с барабана.

— Десять.

Свет с поверхности ослабевал.

На двенадцати метрах мимо камеры проплыла медуза. На секунду её прозрачное тело заняло весь экран, затем растворилось в темноте.

— Пятнадцать.

Мира стояла рядом, скрестив руки.

Она не смотрела на параметры. Только на изображение.

— Двадцать.

Дно возникло резко.

Серый песок. Редкие камни. Тонкие тёмные водоросли, пригнутые течением. Аппарат завис примерно в метре над грунтом.

— Курс на север, — сказала Мира.

Томас повёл «Манту» вперёд.

Несколько секунд ничего не происходило. Песок проходил под камерой, однообразный и пустой.

Потом из мути появился уступ.

Сначала нижний край. Затем поверхность, уходившая вверх за границу изображения.

Томас поднял аппарат.

Камень оказался перед ними.

В прямом свете он действительно напоминал стену. Почти вертикальная плоскость, тянувшаяся в обе стороны и исчезающая во взвеси.

Александр почувствовал, как воображение мгновенно достраивает недостающее: ряды блоков, фундамент, затопленное сооружение.

Он заставил себя увидеть другое.

Трещины. Наросты. Сломанный верхний край. Разницу в цвете.

— Выключи левый прожектор, — сказал он.

Томас посмотрел на Миру.

Она кивнула.

Один источник света погас.

Тени стали длиннее. Поверхность распалась. Плоскость исчезла, уступ снова стал частью природного рельефа.

— Вот, — сказал Александр. — Свет обманывал. Здесь нет кладки.

Мира не спорила.

— Дальше.

Аппарат медленно двигался вдоль камня.

На экране появлялись цифровые отметки, поставленные во время прошлых проходов.

Сектор четыре.

Пять.

Шесть.

Возле шестой отметки камень стал ровнее. Не гладким — спокойнее. Трещины шли реже, выступы почти исчезли.

Потом в луче появились семь линий.

На видео они выглядели убедительнее, чем на фотогра-

фии.

Борозды проходили одна над другой. Одна была частично разрушена трещиной, но продолжалась на прежнем уровне. Справа линии заканчивались у спирали.

Томас приблизил камеру.

На поверхности вспыхнули две красные точки лазерной шкалы.

— Десять сантиметров между точками, — сказал он.

Александр смотрел на борозды.

Одинаковыми они не были. Расстояния немного различались. Две линии изгибались сильнее остальных. Верхняя была заметно короче.

Этого хватало для природы.

И всё же в их несовершенстве было что-то неприятное.

Не машинная точность.

Намерение.

— Могли оставить при обследовании дна, — сказал Александр. — Трос, якорная цепь.

— Все семь? — спросила Мира.

— Несколько проходов.

— С одинаковым окончанием?

— Камень выступает в этой точке.

— Там углубление.

— Тогда цепь могла соскакивать.

Он слышал, как объяснение становится слабее с каждым словом.

Томас ничего не говорил.

Его рука лежала на управлении. Большой палец снова провёл по шву брюк.

— Что? — спросил Александр.

— Ничего.

— Вы делаете это, когда нервничаете.

Томас посмотрел на свою руку и убрал её.

— Вчера здесь появился обратный сигнал.

— Какой?

— Короткая серия импульсов.

— Эхо.

— Наверное.

— Но?

— Она повторилась после выключения передатчика.

В рубке стало тише.

Даже двигатель будто ушёл куда-то дальше.

— На сколько секунд? — спросил Александр.

— На семь.

— Остаточное колебание.

— Да.

Томас ответил слишком быстро.

— Покажи сектор семь, — сказала Мира.

Аппарат продвинулся вперёд.

Контур появился не сразу.

Сначала Александр увидел тонкую тень, почти вертикальную. Затем верхнюю линию. Потом нижний край, частично

скрытый песком.

Прямоугольная плита была частью той же поверхности. Она имела тот же цвет, те же трещины и наросты.

Но нижняя щель была чистой.

Перед ней лежал полукруг песка без осадка и раковин.

— Увеличь, — сказал Александр.

Камера приблизилась.

Плита двинулась.

Всего на несколько миллиметров.

Отошла от основания и вернулась.

Мира посмотрела на Александра.

— Давление воды в полости, — сказал он.

— За ней полость?

— Если движение настоящее — вероятно.

Плита снова отошла.

Пауза.

Вернулась.

Томас вывел рядом график.

— Период шесть и восемь десятых секунды.

— Волновое давление.

— Волны у поверхности нерегулярные.

— В полости может возникнуть собственное колебание.

— В камне?

— В воде за камнем.

Александр наклонился к экрану.

При каждом движении из щели выходило едва заметное

облачко мути. Значит, вода действительно проходила внутрь и наружу.

Естественная полость.

Плита, отделённая трещинами.

Редкое сочетание, но возможное.

Он почувствовал облегчение и почти сразу рассердился на себя за него.

Учёный не должен был желать определённого ответа.

— Манипулятор, — сказала Мира.

Томас развернул металлическую клешню.

— Только касание, — предупредил Александр. — Без усилия.

Клешня приблизилась к нижнему краю.

В момент соприкосновения изображение дрогнуло.

Из динамика пришёл глухой звук.

Не громкий.

Похожий на удар камня о камень.

Томас убрал манипулятор.

Через две секунды звук повторился.

Мира медленно повернула голову к динамику.

Третий удар пришёл через такую же паузу.

Александр посмотрел на показатели аппарата.

— Манипулятор сложен?

— Да.

— Движители?

— Минимальная тяга.

— Кабель касается камня?

— Нет.

— Тогда звук пришёл с судна.

Нильс стоял у двери рубки.

— На судне ничего не ударило, — сказал он.

— Звук распространяется по корпусу.

— Я знаю своё судно.

Это была не бравада. Капитан просто сообщил факт.

— Подводный камень, — сказал Александр. — Течение перекачивает обломок внутри трещины.

— Через одинаковые промежутки? — спросила Мира.

— Три совпадения ещё не ритм.

Она смотрела на него.

Не с недоверием.

С ожиданием.

Александр снова посмотрел на плиту.

— Нужно увидеть её руками, — сказал он.

Гидрокостюм пах резиной и старой морской водой.

Александр натянул его медленнее, чем хотел бы. Тело помнило последовательность движений, но не прощало перерыва. Плечи затекли, пока он застёгивал молнию. Ремень баллона пришлось поправить дважды.

Мира готовилась напротив.

Она ничего не сказала о его неловкости.

Проверила крепление своего регулятора, затянула ремни, затем подошла к нему и взялась за вентиль баллона.

— Открыт, — сказал Александр.

— Я вижу.

— Тогда зачем проверяешь?

— Потому что вижу не всё.

Она повернула вентиль до конца и немного вернула назад.

Потом потянула за пряжку на его груди.

— Давление?

Александр посмотрел на прибор.

— Сто девяносто восемь.

— У меня двести три.

— Соревнование?

— Контроль.

Раньше перед погружениями Мира всегда говорила больше. Шутила, спрашивала о дыхании, заставляла новичков вслух повторять порядок действий. Сегодня её спокойствие было почти полным.

Только левая рука дважды проверила уже застёгнутый карабин.

Александр заметил.

Но промолчал.

Нильс помог им подойти к кормовой платформе.

— Десять минут на объекте, — сказал он. — Пятнадцать — общий предел. Ветер усиливается.

Мира показала, что поняла.

Она надела маску и села на край.

Перед тем как уйти в воду, посмотрела на Александра.

На одно мгновение он увидел прежнюю Миру. Ту, которая ждала от него не согласия, а присутствия.

Потом она оттолкнулась и исчезла за бортом.

Александр вставил регулятор в рот.

Вдох.

Сухой шорох воздуха.

Он шагнул назад.

Холод сомкнулся над ним.

На глубине исчез ветер.

Море стало тесным и тихим. Осталось только дыхание: вдох в регуляторе, выдох пузырьками вдоль лица. Свет с поверхности слабел с каждым метром, превращаясь сначала в зелёное сияние, затем в бледное пятно над головой.

Мира спускалась чуть ниже.

На десяти метрах она обернулась и показала вопрос.

Александр ответил, что всё в порядке.

На пятнадцати метрах стало темнее. Луч фонаря приобрёл границы, словно его вырезали из воды.

На двадцати показалось дно.

Серый песок тянулся в обе стороны. Над ним висела «Манта», медленно покачиваясь на кабеле. Её прожекторы освещали часть уступа.

Вживую камень выглядел меньше, чем на экране.

И тяжелее.

Фотография превращала его в объект. Здесь он был мас-сой, уходившей в грунт и темноту.

Александр подплыл к поверхности.

Провёл ладонью по камню.

Шероховатость. Раковины. Мягкий слой биологических отложений.

Ничего необычного.

Мира осматривала борозды. Она установила рядом шка-лу, сделала несколько снимков и провела пальцем вдоль верхней линии.

Александр приблизился.

Под водой рисунок выглядел менее убедительно. Часть борозд скрывалась под наростами, края были разрушены. Спираль могла оказаться результатом пересечения есте-ственных трещин.

Он достал пластиковый щуп и осторожно ввёл его в одну из линий.

Борозда имела чёткое дно.

Вторая — тоже.

Третья была мельче.

На четвёртой инструмент остановился у трещины. За тре-щиной линия продолжалась на прежней высоте.

Александр осветил повреждённый участок сбоку.

Трещина была моложе борозды.

Это ещё ничего не доказывало.

Камень мог быть исцарапан до раскола.

Мира вопросительно подняла брови.

Александр показал ладонью:

Пока неизвестно.

Они двинулись к плите.

Нижний край действительно шевелился.

Под водой это ощущалось не как дыхание, а как слабое движение всей массы. Плита отходила наружу и снова прижималась к основанию.

Александр положил на неё ладонь.

Толчок.

Пауза.

Ещё один.

Он посмотрел на часы.

Следующий пришёл почти через семь секунд.

Потом ещё один.

Интервал сохранялся.

Мира включила секундомер на запястье.

Они дождались трёх движений.

Шесть и восемь.

Шесть и девять.

Шесть и восемь.

Волна могла раскачать воду внутри полости до устойчивого ритма.

Могла.

Александр показал Мире:

Открываем немного.

Она достала плоский пластиковый клин.

Вставила его в нижнюю щель и осторожно повернула.

Плита отошла на сантиметр.

Изнутри вырвалось облако чёрного ила.

Видимость исчезла.

Мира сразу схватила Александра за предплечье.

Он почувствовал её пальцы даже через костюм.

Несколько секунд они оставались неподвижны.

Сначала в мути появился свет её фонаря. Затем рука. Потом край плиты.

Песок снова оседал.

За камнем была пустота.

Небольшая ниша уходила внутрь примерно на длину ладони. Её стенки выглядели ровнее наружной поверхности, но слой осадка не позволял рассмотреть детали.

Мира закрепила у края маленькую подъёмную подушку.

Александр показал:

Два сантиметра. Не больше.

Она медленно подала воздух.

Нижний край плиты отошёл.

Два сантиметра.

Три.

Мира остановилась.

Они установили распорки.

Александр направил фонарь внутрь.

Сначала он увидел только тёмный ил.

Потом — прямую линию.

В глубине ниши находился плоский предмет.

Он стоял вертикально, удерживаемый двумя выступами.

Чёрный прямоугольник размером примерно с небольшую книгу. Поверхность не блестела и почти не отражала свет.

На нём не было ни раковин, ни наростов.

Даже осадок не держался.

Мира придвинулась ближе.

Александр удержал её за плечо.

Сначала — фиксация.

Она поняла.

Достала камеру на гибком держателе и осторожно ввела её в нишу.

Предмет оставался одинаково тёмным при любом угле света.

Александр взял пластиковый щуп.

Коснулся края.

По инструменту прошла слабая вибрация.

Он убрал щуп. Дрожание не исчезло. Осталось в левой ладони.

Перчатка находилась в нескольких сантиметрах от пластины. Он не касался её, но кожа чувствовала плотный холод прямого контакта.

Экран часов вспыхнул. На нём не было ни глубины, ни

времени. Только одно число.

7

Глава 2

Седьмая минута

Цифра держалась на экране три секунды.

Белая, угловатая, слишком крупная для любого штатного уведомления.

7

Потом дисплей погас.

Александр смотрел на чёрное стекло часов, не убирая левой руки от тёмной пластины. Сквозь перчатку он чувствовал холод — плотный, вязкий, будто поверхность не отдавала температуру воде, а вытягивала её из всего, что оказывалось рядом.

В наушниках трещало дыхание Миры.

— Саша?

Он не ответил.

Тёмная пластина лежала в нише перед ним. В свете фонаря она казалась плоской, почти безликой. Ни ржавчины. Ни раковин. Ни известкового налёта. Вода проходила над ней тонкими мутными струями, но на поверхности не задерживалось даже облачко песка.

Семь.

Не предупреждение о глубине. Не заряд батареи. Не вре-

мя погружения.

Часы были переведены в режим блокировки ещё на палубе.

— Ветров, ответь, — голос Томаса ворвался в канал жёстко и близко. — Что произошло?

Александр заставил себя разжать пальцы.

— Ничего.

— Я вижу скачок по телеметрии.

— Какой скачок?

Вместо ответа раздался короткий шум. Кто-то на судне переключал каналы.

Мира приблизилась, заслонив часть света. За прозрачным стеклом маски её глаза казались темнее обычного.

— Ты побледнел.

— На глубине двадцать два метра все выглядят неважно.

Она не улыбнулась.

Александр снова посмотрел на часы. Экран включился от движения руки. Обычный циферблат. Глубина — двадцать один и восемь. Температура воды — пять градусов. Время погружения — двадцать девять минут.

Никакой семёрки.

— Ты это видела? — спросил он.

— Что именно?

Он промолчал.

Над нишей нависала сдвинутая каменная плита. Ещё несколько минут назад она казалась частью стены — такой

же изъеденной, тяжёлой, неподвижной. Теперь между ней и основанием оставалась щель шириной в несколько сантиметров. Из щели медленно выходили пузырьки.

Один.

Пауза.

Второй.

Снова пауза.

Мира направила фонарь вверх.

— Воздух?

— На такой глубине? После стольких лет?

— Мы не знаем, сколько лет.

Это прозвучало слишком громко.

До этой минуты они оба молча исходили из того, что сооружение древнее. Возможно, затопленное во время одного из этапов подъёма Балтийского моря. Каменные линии, геометрия кладки, положение под слоем донных отложений — всё указывало на возраст, который мог изменить представления о заселении региона.

Но воздух означал герметичность.

А герметичность означала совсем другое время.

Или совсем другую технологию.

— Не трогайте пластину, — приказал Томас. — Повторяю: прекратить контакт. Отходите от стены.

Александр посмотрел на свою левую руку.

Она уже не касалась находки.

Но на кончиках пальцев сохранилось ощущение слабой

вибрации. Не дрожи металла, не работы механизма. Скорее отголоска, который тело продолжало чувствовать после того, как звук прекращался.

— Саша, отходим, — сказала Мира.

Он поднял камеру, сделал ещё два снимка и включил лазерную шкалу. Красные точки легли на пластину.

Расстояние между ними должно было составить десять сантиметров.

На изображении они разошлись почти на двенадцать.

Александр моргнул и повторил замер.

Теперь расстояние было правильным.

— Что ты делаешь? — спросила Мира.

— Проверяю масштаб.

— Томас приказал отходить.

— Томас сейчас в сухой рубке и смотрит на упрощённую картинку.

— А мы сейчас под плитой весом в несколько тонн.

Она взяла его за локоть.

В этот момент пластина издала звук.

Не удар.

Не скрежет.

Один низкий тон прошёл через воду и камень, минуя наушники. Александр почувствовал его челюстью. Зубы свело короткой болью. Песок на дне вздрогнул и поднялся ровным кольцом вокруг ниши.

Мира отдёрнула руку.

Свет её фонаря мигнул.

Затем погас.

— Основной свет отказал, — сказала она.

Голос оставался спокойным, но Александр услышал, как ускорило её дыхание.

— Включай резервный.

Она нажала кнопку на запястье.

Ничего.

Александр направил на неё свой фонарь. В его луче появились тысячи частиц, и на несколько секунд весь мир сузился до лица Миры, чёрной воды за её спиной и тонкой струи пузырьков над регулятором.

— У меня тоже падает питание.

Индикатор фонаря перескочил с шестидесяти восьми процентов на двадцать один.

— Немедленный подъём, — произнёс Томас. Теперь его голос доносился с помехами. — Нильс, выбирай направляющий трос. Ветров, Соколова, возвращайтесь к точке спуска.

— Принято, — ответила Мира.

Она первой развернулась к выходу из каменного прохода.

Александр задержался ещё на секунду.

Тёмная пластина снова выглядела мёртвой.

И всё же в её глубине появилась линия.

Тонкая, едва заметная, она прошла от верхнего края к центру, остановилась и разделилась на две ветви. Потом ещё на две. Геометрический рисунок рос без света, словно по-

верхность становилась прозрачной изнутри.

Александр поднял камеру.

Экран камеры погас.

Линии исчезли.

— Ветров!

Он оттолкнулся от дна и пошёл за Мирой.

Каменный проход был не длиннее десяти метров, но теперь казался уже. Их ласты поднимали осевший ил. Видимость падала с каждым движением. Протянутый от входа ходовой конец растворился в мутной воде.

Мира провела рукой по стене.

— Трос справа должен быть.

— Он был слева.

— При входе — слева. При выходе — справа.

— Я знаю.

— Тогда найди его.

Александр вытянул руку и нащупал камень. Шероховатая поверхность. Щель. Ещё одна.

Никакого троса.

За спиной снова возник низкий звук.

На этот раз слабее.

Или дальше.

Песчаная муть перед ними на мгновение сложилась в прямую линию, словно по проходу прокатилась невидимая волна. Александр увидел ходовой конец в метре над головой.

Он не плыл в воде.

Он был натянут вверх.

— Мира.

Она подняла фонарь. Резервный свет наконец включился, но едва тлел.

Трос уходил к потолку и исчезал за выступом камня.

— Его кто-то выбирает с судна, — сказала она.

— Под таким углом?

Александр схватился за конец. Трос дёрнулся и потянул его вверх.

В наушниках раздался голос Нильса:

— Я не выбираю! Повторяю, лебёдка остановлена!

Связь оборвалась.

Трос натянулся сильнее.

Мира вцепилась в него обеими руками. Александр прижал её к стене и перехватил конец ниже. Их потащило по проходу, поднимая со дна плотное облако ила.

— Отцепляйся! — крикнул он.

— Это наша дорога наружу!

— Он ведёт не наружу!

Впереди сквозь муть проступила каменная арка.

Они входили через неё.

Теперь за аркой не было открытой воды.

Там стояла чёрная стена.

Александр отпустил трос и ударил по руке Мира. Она разжала пальцы за мгновение до того, как конец ушёл в темноту. Верёвка скользнула через арку и исчезла, будто её втяну-

ли внутрь камня.

Оба замерли.

— Мы ошиблись проходом, — сказала Мира.

— Здесь нет другого прохода.

— Значит, обрушение.

— Мы бы услышали.

Она направила слабый свет на чёрную поверхность.

Это был не камень.

Вода перед ними оставалась прозрачной примерно до линии арки, а дальше начиналась абсолютная темнота. Луч фонаря не отражался и не проникал внутрь.

Такая же поверхность, как у пластины.

Только высотой в два метра.

— Назад, — сказал Александр.

Они развернулись одновременно.

Позади проход оставался свободным, но муть уже начала оседать. Вдалеке угадывалась ниша и сдвинутая плита.

— Томас, вы нас слышите? — спросила Мира.

Тишина.

— Нильс?

В наушниках щёлкнуло.

Затем прозвучал голос Александра:

— Мира, не двигайся.

Она резко повернула голову.

Александр смотрел на неё.

Он ничего не говорил.

Из наушников снова донёлся его собственный голос, теперь тише:

— Не двигайся. Оно считает.

Голос звучал неправильно.

В нём не было ни дыхания, ни подводного треска, ни металлического оттенка связи. Он был плоским, лишённым интонации, будто возникал не в динамике шлема, а непосредственно внутри головы.

Мира судорожно дёрнула кабель связи из разъёма.

Но голос не исчез сразу.

Последнее слово — *считает* — ещё мгновение звучало в ней, уже без наушников.

— Это не ты? — спросила она.

— Нет.

Они стояли друг напротив друга. Между ними медленно поднимались пузырьки.

Александр ощутил знакомое давление в груди — не страх перед глубиной и не нехватку воздуха. Так было в детстве, когда он просыпался ночью и несколько секунд не узнавал собственную комнату. Мебель оставалась той же, но переставала быть безопасной. Мир сохранял форму и терял смысл.

Мира указала на его манометр.

— У тебя сто десять.

— У тебя?

— Сто двадцать.

Воздуха хватало.

Связи не было.

Выход был закрыт.

А за спиной находился объект, который только что воспроизвёл его голос.

— Подойдём к стене, — сказал Александр. — Не к пластине. Проверим, есть ли обход.

— Ты предлагаешь идти глубже.

— Я предлагаю не тратить воздух, стоя на месте.

Мира несколько секунд смотрела на него, затем кивнула.

Они двинулись назад вдоль противоположных стен. Александр считал вдохи. Так было проще не смотреть на нишу.

Раз.

Свет скользнул по прямоугольным блокам.

Два.

На некоторых камнях шли неглубокие параллельные борозды.

Три.

Никакой кладочной смеси. Блоки держались собственным весом.

Четыре.

В стене появилась вертикальная щель.

Пять.

За ней — пустота.

Шесть.

Александр поднял ладонь.

На седьмом вдохе пластина ожила.

Из ниши вырвался белый свет.

Он не осветил проход. Не дал теней. Просто на мгновение сделал каждую поверхность видимой — как будто вода исчезла и камень проявился сразу со всех сторон.

Александр увидел помещение целиком.

Проход, который они приняли за коридор, был лишь разрывом во внутреннем кольце круглой камеры. Каменная кладка образовывала внешнюю оболочку, а тёмная пластина являлась частью гладкой конструкции, почти полностью скрытой под блоками и донным осадком.

Он увидел и другое.

За чёрной преградой у выхода стоял человек.

Тот же костюм.

Те же баллоны.

Тот же шлем.

Человек держал ладонь на поверхности с другой стороны.

Лицо за маской было лицом Александра.

Свет исчез.

Вернулась мутная вода.

Александр ударился баллонами о стену.

На несколько секунд он перестал понимать, где находится верх. Камера медленно повернулась вокруг него. Желудок сжался, к горлу подступила тошнота. Он сделал слишком резкий вдох, регулятор захрипел, и от этого звук собственного дыхания стал ещё страшнее.

За чёрной преградой стоял он сам.

Не отражение.

Не тень.

Другой Александр смотрел на него с той стороны.

Сердце билось так сильно, что боль расходилась под рёбрами. Ему казалось, Мира должна слышать удары даже через воду.

Он заставил себя сосредоточиться на показаниях глубиномера.

Двадцать один и семь.

Цифры не менялись.

Значит, вращался не мир.

Только его тело.

— Ты видел? — спросил он.

Мира не ответила.

Она смотрела в сторону ниши.

Её правая рука медленно поднялась, словно она хотела коснуться стекла маски. Пальцы дрожали. Затем Мира судорожно вдохнула, захлебнувшись воздухом из регулятора, и согнулась пополам.

Александр подплыл к ней, но она оттолкнула его.

— Не надо.

— Мира.

Она подняла голову.

Глаза были широко раскрыты, а дыхание шло короткими, частыми рывками.

— Там был кто-то, — произнесла она.

— У выхода?

— Нет.

— Где?

Мира указала на пространство рядом с пластиной.

— Здесь.

— Кто?

Она не ответила сразу.

Её рука всё ещё тянулась вперёд, будто тело не успело понять, что видение исчезло.

— Мой отец.

Александр знал только то, что Мира однажды сказала сама: её отец погиб двадцать пять лет назад после аварии в лаборатории.

Утечка реактива. Разрушение вытяжного шкафа. Травма, больница и закрытые документы.

Мира никогда не рассказывала об этом подробно. Лишь однажды, после тяжёлого погружения, сказала, что не боится смерти. Боится только, что человека объявят погибшим, пока кто-то ещё продолжает ждать его возвращения.

— Это не он, — сказал Александр.

— Я знаю.

— Мира.

— Я сказала, что знаю.

Но она продолжала смотреть в пустоту.

Её дыхание понемногу выравнивалось, хотя рука всё ещё дрожала.

В стене рядом с ней сдвинулся каменный блок.

Александр заметил движение раньше, чем услышал скрежет. Он схватил Миру за плечо и потянул назад.

Блок медленно ушёл внутрь, открывая узкий вертикальный проход. Из него вырвался поток воды, едва не сбивший их с ног.

За отверстием было темно.

Но тьма там была обычной.

Свет фонаря проникал внутрь и ложился на наклонное песчаное дно.

— Новый проход, — сказала Мира.

— Его не было.

— Теперь есть.

Александр посмотрел на манометр. Девяносто пять атмосфер.

Остаться в камере было опаснее, чем войти.

Он показал Мире два пальца, затем на проход: вместе, дистанция два метра.

Она кивнула.

Проём оказался тесным. Баллоны цеплялись за края, камень скрёб по металлу. Александр шёл первым, разгребая руками осадок. Через три метра проход расширился и начал подниматься внутри каменной гряды.

Глубина уменьшалась медленно.

Двадцать один метр.

Двадцать.

Девятнадцать и восемь.

Тоннель не выводил их к поверхности. Он шёл сквозь верхнюю часть подводной стены, почти параллельно её внешнему склону. По мере подъёма вода становилась светлее, а каменный потолок опускался ниже.

Появилось течение.

Слабое, но постоянное.

— Чувствуешь? — спросил Александр.

— Да.

— Значит, впереди есть выход.

Тоннель повернул вправо, затем выровнялся. Глубиномер замер на девятнадцати с половиной метрах. Под их ногами песчаный слой стал тоньше, сквозь него проступили плоские каменные плиты.

В конце прохода лежало переплетение корней и почерневших ветвей. Они закрывали узкий пролом, через который пробивалось серое дневное сияние.

Александр потянул одну ветку.

Она рассыпалась в руках.

За ней открылось пространство.

Они вышли не на ровное дно, а на широкий уступ подводной гряды — верхнюю площадку той самой каменной стены, которую сонар принимал за естественный скальный выступ. Уступ находился почти на два метра выше входа и тянулся вдоль сооружения, постепенно снижаясь к песчаному дну.

В нескольких метрах колыхались водоросли. Дальше, за

мутной взвесью, был виден спусковой трос с грузом.

Судно находилось прямо над ними.

— Вижу ваши огни, — сказал Нильс. — Вы в сорока двух метрах к востоку от входа. На верхнем уступе гряды. Как вы там оказались?

— Потом, — ответил Александр.

Они спустились с уступа на пологий участок дна и добрались до троса.

Только тогда Александр заметил, что бережёт левую руку. Внутри перчатки стало тепло.

Не холодно, как должно было быть в пятиградусной воде, а именно тепло — словно ладонь была прижата к батарее.

Он сжал пальцы.

По коже прошла короткая боль.

На внутренней стороне белого манжета проступило тёмное пятно.

— Что с рукой? — спросила Мира.

— Не знаю.

Он разжал пальцы.

Перчатка снаружи оставалась целой.

Компьютер подал сигнал начала подъёма.

Они медленно пошли вверх.

На пяти метрах остановились для контрольной паузы. Вода вокруг казалась почти светлой. После каменной камеры обычное серое море воспринималось как открытое небо.

Мира держалась за трос выше Александра.

Несколько минут они молчали.

— Почему ты соврал? — спросила она по закрытому каналу.

— О чём?

— Об обрушении. Ты уже решил сказать Томасу, что выход завалило.

— Ты хочешь сейчас объяснять ему, что видела мёртвого отца?

— Нет.

— Я тоже не хочу объяснять, что видел себя.

Она медленно повернулась к нему.

— Ты видел себя?

Александр пожалел, что сказал.

— За преградой.

— Что он делал?

— Стоял.

— Просто стоял?

Александр вспомнил ладонь, прижатую к чёрной поверхности.

— Смотрел на меня.

Мира опустила взгляд на его левую руку.

— Пятно увеличилось.

Тёмный след на манжете расползся почти до края перчатки.

— Костюм цел? — спросила она.

Александр проверил давление.

— Утечки нет.

Компьютер подал сигнал окончания остановки.

Они поднялись.

На палубу Александра вытащили первым. Нильс ухватил его за ремни и почти бросил на металлическую решётку. Томас стоял рядом, без куртки, в одном свитере, хотя ветер усилился и гнал по палубе холодные брызги.

— Шлем не снимай, — приказал он. — Сначала проверка газовой смеси.

— Я дышал из баллона.

— Я знаю, чем ты дышал. Я не знаю, где ты был.

Миру подняли следом.

Она сама отстегнула карабин и встала на ноги. Колени у неё дрожали, но никто, кроме Александра, этого не заметил.

Их провели в кормовой технический отсек. Нильс проверил клапаны, остаточное давление и целостность костюмов. Томас не задавал вопросов, пока шлемы не сняли.

Первым, что почувствовал Александр, был запах кофе.

Кто-то оставил кружку на столе. Обычный дешёвый кофе, сваренный ещё утром, теперь холодный и горький. От этого запаха стало почти больно. Он напомнил, что мир наверху продолжался: работал двигатель, дребезжали металлические полки, за перегородкой билось о борт море.

Мира села на скамью и начала снимать перчатки.

Томас положил перед ними планшет.

— Смотрите.

На экране была карта погружения. Синяя линия показывала маршрут от судна до входа в сооружение. Затем уходила внутрь.

И обрывалась.

Через восемь минут линия появлялась снова — в сорока двух метрах к востоку, на верхнем уступе гряды.

Между двумя точками не было ничего.

— Маяки отключились, — сказал Александр.

— Нет.

Томас увеличил график.

— Они продолжали передавать.

— Ты сказал, что мы исчезли.

— С экранов — да. Но приёмники регистрировали сигнал. Только он приходил без координат.

— Так не бывает, — сказала Мира.

— Бывает при программной ошибке.

— Одновременно у двух независимых маяков?

Томас посмотрел на неё.

— Именно поэтому вы сейчас расскажете мне всё с момента сдвига плиты.

Александр стянул правую перчатку, затем взялся за левую.

Материал не поддавался. Внутренняя подкладка прилипла к ладони.

Когда он всё же снял перчатку, по коже прошла резкая боль.

На внутренней стороне материала не было ни разрыва, ни прокола.

Но ладонь была в крови.

Порез тянулся у основания большого пальца. Его края выглядели слишком ровными, словно кожу рассекло тонкое лезвие.

Вокруг раны проступили красные линии.

Сначала Александр принял их за следы от швов перчатки.

Потом увидел рисунок.

Одна линия шла к центру ладони и разделялась на две.

Каждая ветвь снова делилась.

Точно так же раскрывался узор внутри тёмной пластины.

Мира заметила его одновременно с ним.

— Саша...

Томас наклонился ближе.

— Чем ты порезался?

Александр не ответил.

Красный рисунок находился не на поверхности. Он просвечивал из-под кожи и едва заметно наливался цветом при каждом ударе сердца.

Томас поднял планшет, чтобы снова показать график.

В этот момент экран мигнул.

Карта погасла.

Томас замер. Его пальцы повисли над стеклом, не касаясь его.

Экран стал абсолютно чёрным.

Затем в центре медленно проявилась белая цифра.

6

Никто не прикоснулся к устройству.

Цифра держалась три секунды.

И исчезла.

В техническом отсеке стало так тихо, что Александр услышал, как на переборке медленно остывает металлическая труба.

Томас первым нарушил молчание:

— Почему шесть?

Александр посмотрел на ладонь.

Красный рисунок под кожей пульсировал в такт сердцу.

— Потому что семь уже было.

За бортом, под днищем «Фрейи», что-то ударило в корпус.

Один раз.

Пауза.

Второй.

Потом третий.

Удары поднимались снизу медленно и равномерно, словно кто-то в глубине проверял толщину металла.

Четвёртый.

Мира перестала дышать.

Пятый.

Томас медленно опустил планшет.

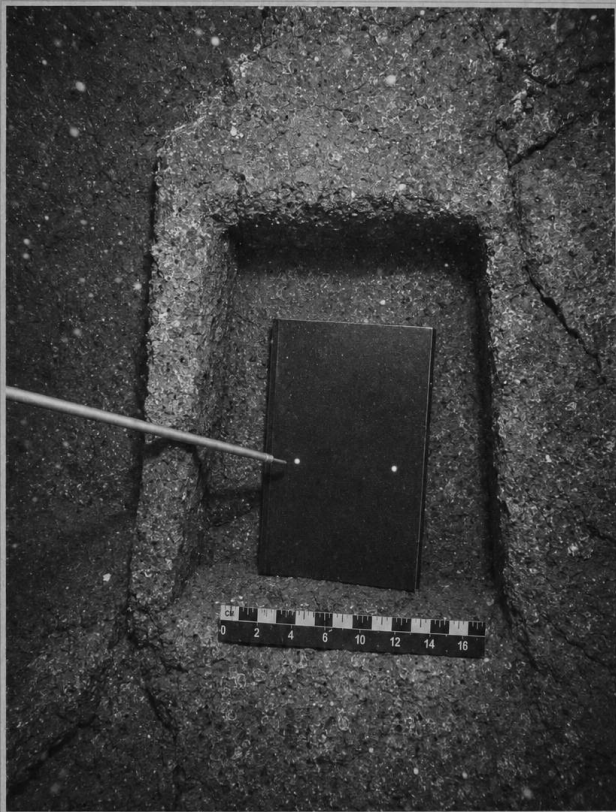
Шестой.

Металлическая переборка едва заметно дрогнула.
Все ждали продолжения.
Но седьмого удара не последовало.

МАТЕРИАЛ R17-F02

Источник: экспедиционная камера № 3

Глубина: 22,1 м

Штатный интервал шкалы: 100 мм

По контрольной линейке: 118-121 мм

Повторный кадр в приложении отсутствует

*проверить
масштаб*

Глава 3

Между шестью и пятью

Седьмого удара не было.

Именно его отсутствие заставило всех молчать.

Александр сидел на металлической скамье, положив левую руку на колено. Кровь уже не текла, но порез оставался раскрытым — тонким, ровным, слишком аккуратным для случайной раны. Красные линии под кожей расходились от него к центру ладони и едва заметно темнели при каждом ударе сердца.

Томас смотрел то на руку, то на погасший планшет.

Мира — на переборку.

Нильс стоял у двери технического отсека, придерживая её одной рукой. За его спиной ветер гнал по палубе брызги, и море на мгновение появлялось в проёме — серое, холодное, совершенно обычное.

Шесть ударов.

Пауза.

Тишина.

— Все наверх, — сказал Нильс.

Никто не двинулся.

— Сейчас, — повторил он. — Мы уходим с точки.

— Аппарат ещё в воде, — сказал Томас.

— Поднимай.

— Если сигнал вернётся...

— Поднимай.

Томас посмотрел на Миру.

Она кивнула.

— Поднимаем.

Он вышел первым.

Нильс задержался возле Александра.

— Сможешь идти?

— Это порез, а не перелом.

— Я спрашивал не о руке.

Александр поднял глаза.

Капитан не выглядел испуганным. Его лицо почти не изменилось с того момента, как они вышли из порта. Только зубочистка исчезла. Наверное, выпала во время ударов или он сам её выбросил.

— Смогу, — ответил Александр.

Нильс отступил, освобождая проход.

Мира осталась.

— Нужно промыть рану.

— Сначала данные.

— В рану могло попасть что угодно.

— Через целую перчатку?

Она посмотрела на снятый гидрокостюм, лежавший на полу. Левый рукав был вывернут, перчатка брошена рядом.

— Именно.

Александр осторожно коснулся пальцем края пореза.
Боль была слабой.

Гораздо слабее, чем должна была быть.

— Не трогай.

— Я проверяю чувствительность.

Мира взяла его за запястье.

На этот раз её пальцы были тёплыми.

— Ты не обязан превращать всё, что с тобой происходит,
в эксперимент.

— Это не эксперимент.

— Тогда перестань смотреть на себя как на образец.

Он хотел возразить, но она уже отпустила его руку.

Снаружи заработала лебёдка. Металлический трос натянулся, двигатель поднял обороты. По корпусу пошла знакомая дрожь.

Александр прислушался.

Обычная вибрация механизма.

Неровная.

Живая.

Ничего похожего на шесть ударов снизу.

— Ты их тоже слышала? — спросил он.

— Да.

— Не через переборку?

— Через пол.

— Могло передаться от лебёдки.

— Она была исключена.

— От двигателя.

— Нильс держал малый ход.

— Металл расширяется. Крепления работают. Вода уда-
ряет в корпус.

Мира села напротив.

— Ты перечисляешь объяснения или пытаешься убедить
себя, что одно из них обязательно верное?

— Пока не проверены все обычные причины, необычной
причины не существует.

— Удобное правило.

— Надёжное.

— Оно не вывело нас из камеры.

Александр посмотрел на неё.

Мира выдержала взгляд.

На её лице уже не было следов паники, которую он видел
под водой. Осталась усталость и тонкая красная полоса во-
круг глаз от маски. Волосы промокли, несколько прядей при-
липли ко лбу. Раньше она сразу убрала бы их. Теперь словно
не замечала.

— Ты нашла проход, — сказал Александр.

— Он открылся сам.

— Каменный блок мог сместиться из-за перепада давле-
ния.

— И закрыл другой выход чёрной преградой?

— Мы не знаем, что именно видели.

— Я знаю, что видела отца.

— Ты видела образ отца.

— Спасибо за уточнение.

— На глубине, при отказе света и связи, мозг способен...

— Не надо.

Она произнесла это тихо, но Александр остановился.

— Не объясняй мне, на что способен мозг при стрессе. Я знаю. Я проходила подготовку. Я вытаскивала людей, которые путали собственные руки с чужими. Я видела азотный наркоз, панические атаки, кислородное отравление и гипоксию. Мы были на двадцати двух метрах. Газовая смесь исправна. Дыхание до появления света было нормальным.

— Значит, на нас воздействовал звук.

— Возможно.

— Низкочастотные колебания вызывают тревогу, зрительные искажения, ощущение чужого присутствия.

— И выбирают для каждого подходящего мертвеца?

Александр промолчал.

Мира отвернулась к открытому дверному проёму.

За ним серое море поднималось и опускалось вместе с судном.

— Он был в той же куртке, — сказала она.

— Кто?

— Отец.

Она по-прежнему не смотрела на Александра.

— В день, когда он ушёл, на нём была коричневая куртка

с жёлтым капюшоном. Мама ненавидела её. Говорила, что в ней он выглядит как дорожный рабочий. Я запомнила, потому что перед выходом они поссорились. Из-за этой куртки. Из-за ерунды.

Мира провела ладонью по мокрым волосам.

— На фотографиях её нет. Мама выбросила старые снимки ещё до аварии. Я никому не рассказывала про капюшон.

— Ты помнила.

— Да.

— Этого достаточно.

— Для моего мозга — достаточно. Для того, что находилось в камере, — нет.

Александр посмотрел на свою ладонь.

Красные линии под кожей стали бледнее.

Или ему показалось.

— А ты? — спросила Мира.

— Что я?

— Тот человек за преградой. Ты уверен, что видел себя?

— Да.

— Он двигался?

— Нет.

— Совсем?

Александр вспомнил белую вспышку.

Круглая камера. Гладкая чёрная конструкция под каменной оболочкой. Фигура по ту сторону преграды.

Та же маска.

Тот же костюм.

Ладонь, прижатая к поверхности.

— Он стоял, — сказал Александр.

— Ты тоже стоял?

— Да.

— С какой стороны у него был блок связи?

Александр почувствовал, как напряглась спина.

На его снаряжении блок находился справа — небольшая коробка с крупными кнопками, чтобы дотянуться в толстой перчатке.

У фигуры за преградой он тоже видел коробку.

Справа.

— Не помню.

— Если это было отражение, блок должен быть слева.

— Поверхность ничего не отражала.

— Поэтому я и спрашиваю.

Александр встал.

Судно качнулось, и на мгновение пришлось опереться правой рукой о стену.

— Нужно посмотреть запись камеры.

— Сначала рана.

— Мира...

— Либо ты идёшь сам, либо я зову Нильса и мы ведём тебя вдвоём.

— Ты собираешься бороться с человеком, который тяжелее тебя на двадцать килограммов?

— Нет. Я собираюсь сказать капитану, что у человека с необъяснимой раной начались проблемы с координацией.

— Судно качнулось.

— Я тоже на судне.

Он посмотрел на неё.

— Это шантаж.

— Медицинский протокол.

— Удобное правило.

На этот раз она едва заметно улыбнулась.

— Надёжное.

Аптечка находилась в маленькой каюте рядом с камбузом.

Когда-то помещение служило запасным спальным отсеком. Теперь одну стену занимали шкафы с лекарствами, кислородная система и складной стол. Над узкой койкой висела инструкция по первой помощи на датском и английском языках.

Мира включила верхний свет.

Александр сел.

— Руку на стол.

— Я умею обрабатывать порезы.

— Хорошо. Тогда не мешай.

Она надела перчатки, промыла ладонь стерильным раствором и осторожно раздвинула края раны.

Александр смотрел на её лицо.

Мира всегда становилась красивее, когда была сосредоточена. Не мягче — наоборот. Всё лишнее исчезало: усталость, раздражение, неуверенность. Оставалось только действие.

Четыре года назад он часто наблюдал за ней во время подготовки оборудования. Как она проверяет соединения. Как дважды проводит пальцем по карабину. Как слушает объяснения, глядя не на говорящего, а на его руки.

Тогда ему казалось, что он знает её лучше всех.

На заседание комиссии он не приехал именно потому, что был в этом уверен.

Решил, что она поймёт.

Мира промокнула кровь салфеткой.

— Больно?

— Почти нет.

— Это плохо.

— Почему?

— Потому что порез глубокий.

Она коснулась кожи рядом с раной.

— Чувствуешь?

— Да.

— Здесь?

— Да.

— А здесь?

— Слабее.

— Насколько?

— Процентом на двадцать.

— Очень научно.

— Ты просила оценку.

Она взяла маленький фонарик и направила луч на ладонь. Красные линии проявились отчётливее.

Одна шла от пореза к центру. Там раздваивалась. Ветви снова расходились, образуя узор, похожий на дерево без листьев или схему русла реки.

— Подкожное кровоизлияние, — сказал Александр.

— Оно повторяет рисунок на пластине.

— Мы видели рисунок несколько секунд. Мозг ищет сходство.

— Он не должен был появиться под целой перчаткой.

— Перчатку могло зажать между плитой и щупом.

— На ней нет повреждений.

— Внутренний шов.

Мира взяла перчатку, которую принесла из технического отсека, и вывернула подкладку.

— Здесь тоже ничего.

Александр провёл большим пальцем по материалу.

Место, соприкасавшееся с ладонью, было сухим.

Не просто сухим — чистым.

На всей внутренней поверхности оставались следы влаги и тёмные разводы, кроме участка в форме узора.

Там ткань выглядела новой.

— Химическое воздействие, — сказал он.

— Через кожу?

— Через материал.

— Откуда?

— Не знаю.

Мира положила перчатку в прозрачный пакет.

— Наконец-то.

— Что?

— Правильный ответ.

Она заклеила рану медицинскими полосками, наложила повязку и закрепила её вокруг запястья.

— Дай другую руку.

— Зачем?

— Пульс.

— Ты можешь проверить на шее.

— Другую руку.

Он протянул правую.

Мира надела датчик на палец и посмотрела на экран.

— Пульс восемьдесят четыре. Кислород девяносто девять.

— Всё нормально.

— Давление измерим через десять минут.

— Мира.

— Что?

— Ты не обязана делать вид, что меня спасла обычная перевязка.

Она остановилась.

— Я ничего не изображаю.

— Ты боишься.

— Да.

Ответ прозвучал сразу.

Александр не ожидал такой простоты.

Мира сняла перчатки и выбросила их в контейнер.

— Я боюсь, что в камере воздействовало нечто, природу чего мы не понимаем. Боюсь, что оно оставило след на твоём теле. Боюсь, что мы подняли что-то на судно. И ещё больше боюсь, что ты будешь отрицать происходящее до тех пор, пока отрицание не станет опаснее самого объекта.

— Я не отрицаю факты.

— Ты превращаешь каждый факт в отдельную случайность.

— Потому что связь между ними не доказана.

— Цифра семь на часах. Шесть на планшете. Шесть ударов. Рисунок под кожей. Сколько случайностей нужно, чтобы ты допустил связь?

— Допустить — могу.

— Но считать доказанной — нет.

Мира прислонилась к шкафу.

— Когда мы были вместе, я думала, что это честность.

— Что именно?

— Ты всегда оставлял место для сомнения. В работе, в разговорах, в людях. Мне казалось, это делает тебя надёжным. Ты не обещал того, чего не мог гарантировать.

Она посмотрела на перевязанную ладонь.

— Потом я поняла: сомнение — ещё и прекрасный способ никогда не выбирать.

Александр почувствовал знакомое раздражение.

Не потому, что она была неправа.

Потому что была слишком близко.

— Сейчас не время обсуждать нас.

— А я обсуждаю не нас.

— Правда?

— Да. Я обсуждаю человека, который увидел собственное отражение за невозможной преградой и первым делом начал проверять расположение оборудования.

Он встал.

— Потому что расположение оборудования можно проверить.

— А страх нельзя?

— Страх ничего не доказывает.

— Зато иногда спасает.

— Иногда убивает быстрее глубины.

Дверь открылась.

Нильс заглянул внутрь.

— Вы закончили?

— Почти, — ответила Мира.

Капитан посмотрел на повязку.

— Насколько серьёзно?

— Пока непонятно.

— Для судна опасно?

— Нильс, — сказал Александр, — это не инфекция.

— Ты знаешь?

— Нет.

Капитан кивнул.

— Тогда вопрос остаётся.

Он говорил спокойно, но в его голосе появилось то, чего раньше не было: дистанция.

Не враждебность.

Осторожность.

— Мы снялись с точки, — продолжил Нильс. — Идём к Рённе. До порта сорок семь минут, если погода не испортится.

— Нужно связаться с берегом, — сказала Мира. — Попросить медицинскую группу и закрытый причал.

— Я уже отправил сообщение.

— Что указал?

— Травма при погружении. Неизвестное воздействие на оборудование. Возможная необходимость изоляции.

— Ответ получили? — спросил Александр.

Нильс посмотрел на него.

— Пока нет.

— Связь работает?

— Радио — да. Спутниковый канал пропал.

— Когда?

— Сразу после шестого удара.

Мира выпрямилась.

— Навигация?

— Основная система работает. Но есть расхождение.

— Какое?

Нильс посмотрел на часы.

— Идите в рубку.

В рубке пахло перегретой электроникой.

Томас сидел перед тремя экранами. На левом двигалась карта. На центральном шла запись с подводного аппарата. Правый был разделён на несколько окон с системными журналами и графиками.

«Манта» уже находилась на палубе. Сквозь кормовую камеру было видно, как аппарат закреплён растяжками. Вода стекала с рамы и собиралась в решётчатом настиле.

— Покажи им время, — сказал Нильс.

Томас вывел на главный экран четыре временные шкалы.

— Это судовой сервер. Навигационный блок. Часы камеры «Манты». И ваши маяки.

На первый взгляд значения совпадали.

Затем Александр заметил разрыв.

— Здесь.

— Да.

На графике судового сервера линия шла непрерывно. Камера и маяки тоже передавали данные. Но временные метки после определённой точки смещались.

— Когда вы вошли под плиту, — объяснил Томас, — ваши маяки показывали четырнадцать часов двенадцать минут и восемь секунд.

— Это время судна? — спросила Мира.

— Да. Через три минуты вы снова появились на карте. По серверу было четырнадцать пятнадцать и двадцать две секунды.

— Три минуты четырнадцать секунд, — сказал Александр.

— Для судна.

Томас увеличил две нижние шкалы.

— Ваши компьютеры записали восемь минут сорок одну секунду.

Мира наклонилась к экрану.

— Оба?

— С разницей в две десятых.

— Ошибка синхронизации.

— Тогда она должна была начаться в разное время. Устройства независимы. Разные производители, разные прошивки. Перед погружением их сверяли.

— В камере мог нарушиться тактовый генератор, — сказал Александр. — Электромагнитное поле.

— На обоих одинаково?

— Если воздействие было общим.

— Тогда камера «Манты» тоже должна показать смещение, — сказала Мира.

Томас переключил окно.

— Камера показывает три минуты четырнадцать секунд.

— Значит, для нас прошло восемь минут, — сказала она.

— Компьютеры не измеряют субъективное время, — ответил Александр.

— Они измерили восемь минут.

— Возможно, записали ложные циклы.

— Оба одновременно.

— Под внешним воздействием.

— Ты понимаешь, что сейчас сам доказываешь связь между событиями?

— Я предлагаю проверяемую причину.

Мира посмотрела на него, но спорить не стала.

Томас открыл журнал дыхательных систем.

— Есть ещё это.

На графиках шли повторяющиеся пики расхода воздуха.

— Нормально, — сказал Александр. — Мы двигались, потом началась паника.

— В начале — нормально. Но вот участок отсутствия.

Томас выделил фрагмент.

Расход воздуха продолжался восемь минут.

— Баллоны подтверждают ваши компьютеры, — сказал он. — Вы действительно дышали восемь минут сорок секунд.

— Остаточное давление после подъёма? — спросила Мира.

— Совпадает с расчётом.

В рубке стало тихо.

За окнами море уходило назад длинными серыми полосами. Берег ещё не был виден.

Александр провёл пальцами правой руки по краю пульта.

— Значит, для нас прошло восемь минут.

— А для судна — три, — ответил Томас.

— Либо приборы на судне потеряли пять минут.

— Все?

— Сервер, навигация, камера, радио.

— И мои часы, — сказал Нильс.

Капитан поднял руку.

На запястье были простые механические часы со стрелками.

— Я заводил их утром. Они не подключены ни к одной системе.

— Могли отставать и раньше.

Нильс посмотрел на Александра.

— На пять минут за три минуты?

Александр ничего не ответил.

Томас провёл рукой по волосам.

— Я проверил журнал двигателя. Расход топлива соответствует трём минутам. Лебёдка записала длину кабеля за три минуты. Видеокамера на палубе — тоже. Для всего судна прошло три минуты.

— Кроме нас, — сказала Мира.

— Кроме вас.

Александр снова посмотрел на график дыхания.

Пять лишних минут.

Достаточно, чтобы увидеть то, чего не существовало.

Достаточно, чтобы пройти по коридору, найти новый выход и оказаться в сорока двух метрах от входа.

Но недостаточно, чтобы преодолеть это расстояние в узком подводном тоннеле с почти нулевой видимостью.

— Покажи маршрут.

Томас вернул карту.

Синяя линия доходила до объекта и обрывалась. Через три минуты судового времени оба маяка возникали на верхнем уступе.

— Координат внутри нет, — сказал Томас. — Только глубина.

— Глубина менялась?

— Да.

Он вывел график.

Сначала двадцать один и восемь метра.

Затем плавный подъём до девятнадцати с половиной.

— Соответствует тоннелю, — сказала Мира.

— Не совсем.

Томас увеличил среднюю часть.

На несколько секунд глубина опускалась ниже исходной.

Двадцать два.

Двадцать четыре.

Двадцать семь метров.

Затем сразу возвращалась к двадцати одному.

— Мы не спускались, — сказала Мира.

— Я знаю.

— Датчики давления могли дать сбой, — произнёс Александр.

— У обоих одинаково, — напомнил Томас.

— Что было в этот момент? — спросила Мира.

Александр вспомнил белый свет.

Камеру, увиденную целиком.

Человека за чёрной преградой.

— Вспышка.

— Как долго?

— Меньше секунды.

Томас поставил отметку.

— Здесь ваши камеры потеряли изображение на ноль целых восемь десятых секунды. В тот же момент глубина изменилась.

— На какую величину? — спросила Мира.

— Почти на шесть метров.

Шесть.

Александр почувствовал лёгкое тепло под повязкой.

Он опустил руку.

— Совпадение, — сказал Томас.

Слово прозвучало неуверенно.

Александр посмотрел на него.

— Почему ты это сказал?

— Что?

— «Совпадение».

— Потому что глубина изменилась примерно на шесть метров. И было шесть ударов.

— Не начинай искать систему во всём.

— Я не ищу. Она уже здесь.

Томас указал на экран.

— Семь линий на камне. Семёрка на часах. Потом шестёрка на планшете. Шесть ударов. Шесть метров.

— Пять лишних минут, — тихо сказала Мира.

Никто не ответил.

Томас открыл новое окно.

— Осталась запись.

Александр почувствовал раздражение.

— Показывай.

На экране появилось видео с камеры Мира.

Качнувшийся луч фонаря.

Каменная плита.

Чёрная пластина в нише.

Изображение шло без звука.

— Это момент перед отходом, — сказала Мира.

Томас кивнул.

На записи Александр стоял ближе к нише. Его левая рука была поднята.

— Ты касался пластины? — спросила Мира.

— Щупом.

— Здесь без щупа.

Изображение было мутным, но различимым.

Рука Александра находилась в нескольких сантиметрах от тёмной поверхности.

Потом между ладонью и пластиной возникла тонкая линия.

Она не вспыхнула.

Скорее пространство на мгновение стало светлее.

Александр резко отдёрнул руку.

На записи Мира сразу повернулась к нему.

— Вот тогда ты увидел семёрку? — спросила она.

— Да.

Томас поставил видео на паузу.

— Смотрите на пластину.

В верхней части тёмного прямоугольника появились светлые ветви. Они расходились к краям, повторяя узор под кожей Александра.

— Продолжай, — сказал он.

Видео пошло дальше.

Линии на пластине исчезли.

Но в глубине чёрной поверхности осталось изображение.

Не отражённый свет.

Не блик камеры.

Фигура.

Томас увеличил кадр.

— Это я, — сказала Мира.

— Нет, — ответил Александр.

— Я находилась рядом.

— Ты была справа от камеры.

Фигура стояла слева.

Томас переключил на запись второй камеры — закреплённой на шлеме Александра.

На ней Мира действительно находилась справа.

Слева не было никого.

Он вернул первый кадр.

Третья фигура оставалась на месте.

— Сложение кадров, — сказал Александр. — Ошибка кодирования.

— Из какого кадра? — спросил Томас.

— Предыдущего прохода. Записи другого погружения.

— Камера новая. Внутренняя память была очищена утром.

— Остаточные данные могли сохраниться.

— Тогда фигура должна совпадать с кем-то из нас.

— Она и совпадает.

— Нет.

Томас увеличил изображение ещё сильнее.

На груди фигуры появилась прямоугольная светлая область.

Блок связи.

Он находился слева.

Александр почувствовал, как пересохло во рту.

— Зеркальное изображение, — сказала Мира.

— Поверхность не отражала свет, — напомнил Томас.

— Значит, отражение создала камера.

— Камера не может записать отражение в объекте, которого не видит вторая камера.

Александр наклонился ближе к экрану.

У фигуры был его костюм.

Его баллоны.

Его маска.

Но блок связи находился с противоположной стороны.

То, что он видел за чёрной преградой, не повторяло его.

Это было отражение.

Только отражение находилось не перед ним.

Оно стояло за спиной.

— Изолируй запись, — сказал Нильс.

— Что? — переспросил Томас.

— Перенеси на отдельный накопитель. Из рабочей системы удали.

— Это обычный видеофайл.

— С момента появления записи у нас нет спутниковой связи.

— Файл не может влиять на передатчик.

— Тогда удаление ничего не изменит.

Томас посмотрел на Миру.

— Сделай копию, — сказала она. — Потом удали.

Александр выпрямился.

— Мы начинаем вести себя так, будто запись заражена.

— Мы проверяем гипотезу, — ответила Мира.

— Непроверяемую.

— Через минуту станет проверяемой.

Томас подключил небольшой накопитель, скопировал видео и отключил его. Затем удалил файл из основной базы.

Спутниковый индикатор оставался красным.

Нильс ничего не сказал.

— Корзина, — напомнила Мира.

Томас очистил удалённые файлы.

Красный индикатор мигнул.

Стал жёлтым.

Через несколько секунд — зелёным.

В динамике связи раздался короткий сигнал.

На экране появились три пропущенных сообщения от береговой службы.

Томас медленно убрал руки от клавиатуры.

— Нет, — сказал Александр.

— Что «нет»? — спросила Мира.

— Это не доказательство. Канал мог восстановиться в тот же момент.

— Мог.

— Передатчик перезапускает соединение каждые тридцать секунд.

— Последние девять минут без результата, — сказал

Нильс.

— Значит, сейчас получил окно.

— После удаления файла.

— После очередного цикла.

Томас посмотрел на накопитель, лежавший рядом с пультом.

— Тогда вернём запись и повторим.

— Нет, — сказал Нильс.

— Для проверки, — возразил Александр.

— Нет.

— Капитан...

— На моём судне проверка закончена.

Александр открыл рот, но Мира положила ладонь ему на плечо.

— Нильс прав.

Он сбросил её руку.

— Мы получили первый воспроизводимый эффект и отказываемся повторить опыт.

— Цена повторения неизвестна.

— Поэтому нужно установить её сейчас, пока мы в море и контролируем условия.

— Контролируем?

Мира указала на его перевязанную ладонь.

— Ты называешь это контролем?

— На берегу будет больше людей и меньше возможностей изолировать систему.

— На берегу будет медицинская помощь.

— Мне не нужна медицинская помощь.

— Ты не знаешь, что тебе нужно.

В рубке снова стало тихо.

Нильс перевёл взгляд с одного на другого.

— До порта тридцать две минуты, — сказал он. — Накопитель остаётся отключённым. Никто не подключает его ни к одной системе. Все данные копируются на физические носители. Радиоканал используем только для навигации и связи с берегом.

— Район нужно закрыть, — сказала Мира.

— На каком основании? — спросил Александр.

— На основании угрозы водолазам.

— И что ты скажешь властям?

— Правду.

— Тогда сюда придут военные.

— Возможно.

— Они начнут облучать объект радарам, поднимать плиты и стрелять в то, чего не понимают. Мы уже видели, что оно делает с техникой после простого прикосновения.

— А оставить его доступным лучше?

— Нет.

— Тогда что ты предлагаешь?

Александр посмотрел на карту участка.

— Закрыть район под видом аварии кабельной трассы. Без координат объекта и без материалов погружения.

— Надолго это не сработает.

— Нам нужны хотя бы сутки.

— Для чего?

— Чтобы понять, что именно мы привезли с собой.

Мира задержала на нём взгляд.

На этот раз не спорила.

Берег приближался медленно.

Нильс связался с портовой службой и запросил отдельное место у технического причала. О находке он не сообщил. Только о травме, сбоях связи и необходимости осмотра оборудования.

На палубе Томас промывал «Манту» пресной водой.

Александр наблюдал за ним из дверей.

Аппарат выглядел обычным. Серый корпус. Камеры. Манипуляторы. Кабель, намотанный на барабан. Никаких светящихся линий, тёмных пятен или следов воздействия.

Мира ушла переодеваться.

Нильс находился в рубке.

Впервые после прибытия на остров Александр остался один.

Он вышел на корму.

Ветер усилился. Мокрые волосы быстро стали холодными. Слева тянулся берег Борнхольма — низкий, зелёный, мирный. Между деревьями появлялись крыши домов. Даль-

ше угадывался шпиль церкви.

Обычная земля.

Он поднял перевязанную руку.

Под белой тканью чувствовалось тепло.

Александр осторожно надавил на центр ладони.

Боль не появилась.

Зато где-то глубже, под кожей, ответила слабая вибрация.

Он убрал палец.

Вибрация продолжалась.

Ровная.

Почти неслышная.

Он посмотрел на «Манту».

Томас стоял к нему спиной и проверял корпус камеры.

Вода из шланга стекала по аппарату и уходила через решётку.

— Томас.

Тот обернулся.

— Что?

— Выключи промывку.

— Зачем?

— Выключи.

Томас закрыл кран.

Шум воды исчез.

Остались ветер, двигатель и скрип креплений.

В ладони продолжалась мелкая дрожь.

— Что случилось? — спросил Томас.

— Подойди.

Он подошёл.

Александр протянул ему правую руку.

— Дай отвёртку.

— Какую?

— Любую металлическую.

Томас достал из ящика короткую отвёртку.

Александр взял её правой рукой, затем приложил металлический стержень к повязке.

Вибрация стала сильнее.

Она прошла по инструменту к пальцам.

Точно так же, как под водой через щуп.

Томас увидел выражение его лица.

— Что?

Александр протянул ему отвёртку.

— Приложи к повязке.

— Зачем?

— Сделай.

Томас коснулся металлом центра ладони.

Несколько секунд ничего не происходило.

Потом его пальцы дрогнули.

— Чувствуешь?

— Будто рядом работает маленький мотор.

— Аппарат включён?

— Нет. Батареи сняты.

— Лебёдка?

— Двигатель вращается, но это не её частота.

Томас убрал отвёртку.

— Нужно сказать Мире.

— Подожди.

— Почему?

— Сначала проверим расстояние.

Александр отошёл от аппарата к борту.

Вибрация ослабла.

Он сделал ещё несколько шагов к носу.

Почти исчезла.

Вернулся к «Манте».

Стала сильнее.

Томас побледнел.

— Это аппарат.

— Или что-то на нём.

— Мы промыли корпус.

— Снаружи.

Томас медленно обошёл аппарат.

— Если это электромагнитное поле, датчики должны его
показать.

— Принеси автономный магнитометр.

— Он в рубке.

— Тогда принеси.

Томас сделал два шага и остановился.

— А если связь снова пропадёт?

— Прибор не подключён к судовой сети.

— Нильс всё равно должен знать.

— Узнает после измерения.

Томас посмотрел на него с сомнением.

— Мира права.

— В чём?

— Тебе нужно первым увидеть результат.

Александр почувствовал раздражение.

— Хочешь вернуться к экрану и ждать, пока кто-то другой объяснит происходящее?

— Я хочу дойти до порта живым.

— Эти цели не противоречат друг другу.

— Сегодня уже противоречили.

Он не успел ответить.

Под повязкой резко обожгло кожу.

Александр согнулся и схватился за запястье.

— Что?

Боль прошла от ладони к локтю, как электрический разряд. Пальцы сами сжались. Повязка натянулась.

На белой ткани проступила тонкая красная линия.

Не кровь.

Свет.

Он пробился сквозь несколько слоёв бинта и на мгновение очертил одну из ветвей рисунка.

Томас отступил.

— Александр...

Свет разделился.

Одна линия стала двумя.

Потом четырьмя.

Рисунок под повязкой оживал ветвь за ветвью.

Александр попытался сорвать бинт, но пальцы левой руки не слушались.

— Ножницы.

Томас стоял неподвижно.

— Ножницы!

Тот открыл ящик, схватил инструмент и разрезал повязку.

Бинт упал на палубу.

Порез оставался закрытым медицинскими полосками. Кожа вокруг него побледнела. Красные ветви теперь светились холодным белым светом.

Сначала загорелись семь тонких ответвлений.

Потом одно исчезло.

Осталось шесть.

— Позови Миру, — сказал Александр.

Томас не двинулся.

Он смотрел за его спину.

Александр обернулся.

На мокром корпусе «Манты» проявился рисунок.

Тонкие линии проступали под серой краской, словно металл становился прозрачным. Они сходились у левого манипулятора — того самого, которым касались плиты.

В центре узора медленно появилось тёмное пятно.

Размером с монету.

Вода вокруг него исчезала, хотя металл оставался холодным.

— Не трогай, — сказал Александр.

Томас отступил ещё на шаг.

Тёмное пятно расширилось.

Сначала до размеров ладони.

Потом остановилось.

Его поверхность не отражала ни небо, ни лица, ни палубный свет.

Та же абсолютная чернота, которую они видели в камере.

Из глубины пятна донёсся короткий звук.

Не через корпус.

Не через воздух.

Александр слышал его внутри ладони.

Один удар.

Белая линия под кожей погасла.

Осталось пять ветвей.

На панели выключенного аппарата сам собой загорелся индикатор.

Экран включился.

На нём появилась цифра.

5

Томас отступал, пока не ударился спиной о борт.

— Мы же подняли только аппарат, — прошептал он.

Александр смотрел на чёрное пятно.

Из него медленно выступила вода.

Но капля не стекала по наклонному корпусу. Она увеличивалась, удерживаясь на вертикальной поверхности, будто направление тяжести внутри неё не совпадало с направлением тяжести судна.

На её выпуклой поверхности появилось изображение палубы.

Не отражение.

Перспектива была неправильной.

Корма находилась ниже, чем должна была. Горизонт проходил под углом, хотя судно почти не кренилось. Фигура Александра виднелась сбоку, с точки, расположенной в нескольких метрах над водой.

В изображении за его спиной стояла Мира.

Настоящая палуба позади него оставалась пустой.

Изображённая Мира подняла руку.

Прижала ладонь к невидимой плоскости.

И открыла рот.

Звука не было.

Александр прочитал по губам одно слово.

Уходи.

Капля сорвалась.

Упала на палубу и разлетелась обычными брызгами.

Чёрное пятно исчезло.

В тот же момент из рубки выбежала Мира.

— Что произошло?

Томас указал на аппарат.

Экран «Манты» уже погас.

На корпусе не осталось ни рисунка, ни следа.

Только мокрый металл.

Александр посмотрел на ладонь.

Под кожей сохранялись пять тёмно-красных линий.

— Оно на борту, — сказал Томас.

Мира остановилась перед Александром.

— Что было?

Он посмотрел на неё.

Настоящую.

Без маски, в сухой одежде, с мокрыми волосами и напряжённым лицом.

— Я увидел тебя на поверхности воды.

— В отражении?

— Нет. Точка наблюдения была выше палубы. Изображение показывало то, чего здесь не было.

— Что я делала?

— Сказала мне уходить.

Мира несколько секунд молчала.

Потом медленно покачала головой.

— Я ничего не говорила.

— Я знаю.

Нильс появился в дверях рубки.

— До причала двенадцать минут.

Томас посмотрел на капитана.

— Мы не можем входить в порт.

— Почему?

— Аппарат что-то принёс.

— Что именно?

Томас открыл рот, но не нашёл слов.

Нильс перевёл взгляд на Александра.

— Объясни.

Александр посмотрел на приближающийся берег.

Уже можно было различить портовые краны, маяк и красные крыши Рённе. На причале двигались машины. Люди готовились принять судно, не зная, что находится на его борту.

Двенадцать минут до берега.

Пять линий под кожей.

Пять неизвестных шагов обратного отсчёта.

— Разворачивай судно, — сказал Александр.

Нильс не двинулся.

Вместо ответа он посмотрел на эхолот.

Потом на экран сонара.

Провёл пальцем по линии рельефа и увеличил последние десять минут записи.

— Мы идём полным ходом, — сказал он. — Семь с половиной узлов.

— Я знаю, — ответил Александр.

— Нет. Не знаешь.

Нильс указал на экран.

— Под килем двадцать два метра. Те же двадцать два мет-

ра, что были десять минут назад. Рельеф дна не изменился ни на один метр.

Томас подошёл ближе.

На сонаре тянулась одна и та же структура: пологий песчаный склон, несколько камней, длинная тень у края изображения.

Она повторялась.

Снова и снова.

Не похожая.

Та же самая.

— За это время мы должны были пройти больше двух километров, — сказал Нильс. — Но датчик скорости через воду показывает движение. Двигатель работает. Топливо расходуется. А относительно дна мы не сдвинулись.

Он посмотрел на механический компас над пультом.

Стрелка дрожала между западом и севером, хотя судно держало прямой курс.

— Это началось до твоей команды, — сказал Нильс. — Мы уже стоим на месте.

Он положил руку на рычаг управления.

— Разворачиваю.

Не потому, что поверил в светящуюся ладонь.

Не потому, что испугался рассказа Томаса.

Приборы подтверждали: море перестало отпускать судно.

Двигатель изменил тон.

«Фрейя» накренилась, закладывая разворот.

На причале мигнул зелёный сигнальный огонь.

Рёнке начал медленно смещаться в сторону.

Александр продолжал смотреть на город.

В одном из окон портового здания появилась человеческая фигура.

Окно находилось на втором этаже, в глухой стене склада. За ним не было освещённого помещения — только тёмный прямоугольник стекла.

Фигура не двигалась.

Когда судно поворачивало, перспектива здания менялась: смещались стены, трубы, край крыши.

Но фигура оставалась строго обращённой к Александру.

Не поворачивалась вслед за судном.

Не меняла положения внутри окна.

Словно была не человеком за стеклом, а изображением, наложенным поверх пространства.

Она подняла ладонь.

Пять растопыренных пальцев.

Александр сделал шаг к борту.

— Что ты видишь? — спросила Мира.

Он не ответил.

Фигура не двигалась.

Зато окно вокруг неё начало вытягиваться вверх.

Сначала едва заметно.

Потом сильнее.

Прямоугольная рама стала слишком высокой для здания.

Верхний край прошёл сквозь линию крыши и поднялся в серое небо.

Фигура сохранила человеческие пропорции.

Пространство вокруг неё — нет.

Александр моргнул.

Окно снова стало обычным.

Внутри никого не было.

Под его ногами корпус судна отозвался ударом.

Только одним.

Затем из рубки донёсся голос Томаса:

— Александр.

Он не обернулся.

— Что?

— Судовые часы снова изменились.

— На сколько?

Томас ответил не сразу.

— До порта было двенадцать минут.

Александр посмотрел на берег.

Он не приближался.

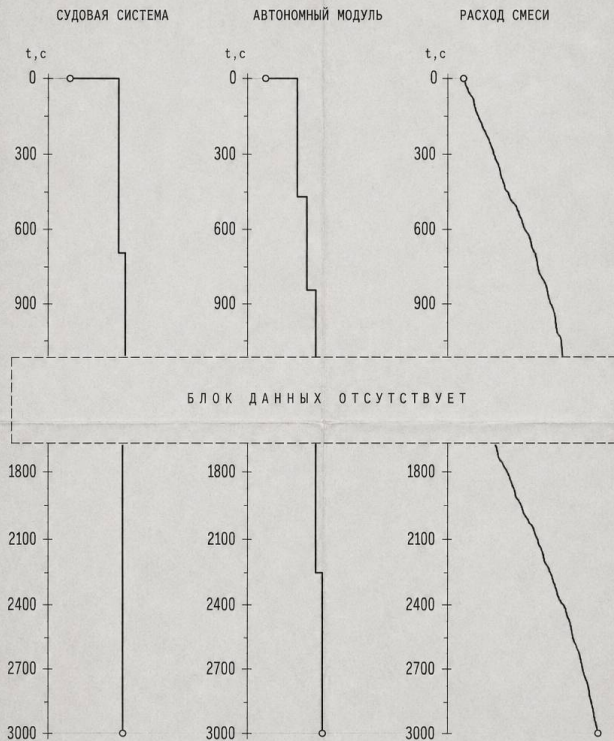
Но и не отдалялся, хотя судно уже завершило разворот и двигалось на запад.

— А теперь? — спросила Мира.

Ветер почти унёс ответ.

— Пять.

R17-A03 РАСХОЖДЕНИЕ ВРЕМЕНИ

Начальная синхронизация подтверждена.

Конечная синхронизация подтверждена.

Промежуточный блок отсутствует.

Длительность последовательностей не совпадает.

Глава 4

Берег, которого нет

— Пять.

Томас произнёс число негромко, почти бесцветно, как показание прибора.

Но оно дошло до каждого.

Нильс не убрал руку с рычага управления.

«Фрейя» продолжала разворот. Двигатель работал ровно, вода белела за кормой, берег смещался вдоль правого борта — всё выглядело так, будто судно действительно уходило от Рённе.

Только расстояние не менялось.

Портовые краны оставались того же размера. Зелёный огонь на причале вспыхивал через одинаковые интервалы. Между маяком и складскими корпусами висела тонкая полоса дождя, хотя над ней не было облака.

Александр смотрел на окно второго этажа.

Фигура исчезла.

Само окно осталось.

Среди десятков одинаковых проёмов оно казалось чуть выше остальных. Не настолько, чтобы это можно было измерить взглядом. На несколько сантиметров. Возможно, на де-

сать.

Он моргнул.

Пропорции восстановились.

Под кожей левой ладони пульсировали пять линий.

— Скорость? — спросила Мира.

— Семь и три узла, — ответил Томас. — Через воду.

— Спутник?

— Координаты стоят.

— Инерциальная система?

— Показывает движение на запад.

— Пройденное расстояние?

Томас задержался.

Александр вошёл в рубку.

На центральном экране две линии расходились от одной точки. Синяя обозначила расчётный путь по курсу и скорости. За последние три минуты судно должно было пройти почти семьсот метров.

Красная отметка фактического положения не сдвинулась.

— Спутниковый приёмник мог зависнуть, — сказал Александр.

Томас вывел рядом радар.

Береговая линия оставалась неподвижной относительно судна.

— Тогда радар фиксирует устойчивое ложное отражение, — продолжил Александр.

— Одновременно со спутником?

Томас переключил носовую камеру.

Рённе не приближался и не удалялся.

— Значит, мы стоим относительно берега, — сказала Мира.

— Относительно изображения берега, — поправил Александр.

Нильс повернулся к нему.

— Объясни разницу.

— Мы не знаем, наблюдаем ли реальный Рённе.

Капитан посмотрел в окно.

Красные крыши. Белая башня маяка. Складские корпуса. На дороге у причала двигался белый фургон.

— Это мой порт.

— Возможно.

— Я вышел из него сегодня утром.

— Мы все видели остров. Это доказывает только то, что сейчас перед нами находится изображение, совпадающее с памятью об острове.

— Ты предлагаешь считать целый город оптической ошибкой?

— Я предлагаю не путать источник сигнала с его изображением.

Нильс медленно перевёл рычаг.

— Минимальный ход.

Обороты упали.

Белая вода за кормой потемнела. Дрожь корпуса ослабла.

Берег не изменился.

— Нейтраль.

Винты перестали толкать воду.

«Фрейя» ещё несколько секунд двигалась по инерции. Потом мягко качнулась на волне.

Расчётная линия на экране остановилась.

Красная точка осталась там же.

— Течение? — спросила Мира.

— Северо-восточное. Ноль целых семь десятых узла.

— Нас должно сносить.

— Не сносит.

Нильс подошёл к окну.

Волна подходила к левому борту, проходила под корпусом и уходила вправо. По поверхности двигались водоросли. Один длинный стебель исчез под кормой и появился с другой стороны.

Вода сохраняла направление.

Судно — нет.

Александр приложил правую ладонь к переборке.

Металл хранил остаточную вибрацию двигателя.

В левой руке шёл другой ритм.

Ровный.

Почти незаметный.

Он посмотрел через кормовую камеру на «Манту».

Аппарат оставался закреплённым растяжками.

— Нужно выключить главный двигатель.

Нильс повернулся.

— Нет.

— Мы должны отделить вибрацию корпуса от реакции следа.

— В открытом море двигатель не глушат из-за ощущения в руке.

— Сейчас мы не управляем движением. Всё, что делает двигатель, — добавляет шум к измерениям.

— Генераторы останутся.

— Аварийный контур отдельно. Навигацию и насосы можно удержать.

Нильс посмотрел на Миру.

Она не ответила сразу.

— На минуту, — сказала она. — Механические приборы отдельно. Все электронные показания пишем автономно.

— Шестьдесят секунд, — согласился Нильс. — Ни секундой больше.

Он включил внутреннюю связь.

— Машинное отделение. Остановка главного двигателя. Переход на аварийный генератор.

Из динамика ответил механик.

Александр впервые подумал о том, что внизу находились ещё люди.

Ларс.

Йонас.

В камбузе — Эмма.

Люди, которые слышали удары, но ещё не знали, что именно произошло под водой.

— Сколько человек на борту? — спросил он.

— Семь, — ответил Нильс.

Пять линий под кожей налились цветом.

— Кто кроме нас?

— Ларс и Йонас в машинном. Эмма в камбузе.

— Они слышали удары?

— Все слышали.

— Сколько?

Нильс понял вопрос.

— Шесть.

Из динамика донеслось:

— Готовы к остановке.

Капитан нажал кнопку.

— Глуши.

Гул начал спадать.

Сначала исчезла высокая составляющая, затем низкая. Металл ещё несколько секунд отдавал накопленную вибрацию.

После этого остались только волны, ветер и негромкий аварийный генератор.

Александр поднял ладонь.

Ритм не исчез.

Наоборот, стал различимее.

Один импульс каждые несколько секунд.

— Время, — сказал Нильс.
Томас запустил секундомер.
Десять секунд.

Двадцать.

На тридцатой погас индикатор спутниковой связи.

— Канал потерян, — сказал Томас.

— Передатчик на отдельном питании?

— Да.

Стрелка механического компаса дрогнула.

Сначала медленно повернулась на север.

Затем остановилась.

— Курс судна западный, — сказал Нильс.

— Корпус не поворачивался, — ответил Томас.

На сорок пятой секунде изменился берег.

Не переместился.

Перестроился.

Зелёный огонь оказался справа от маяка. Один из кранов прошёл за белой башней, хотя должен был находиться значительно севернее. Красные крыши сложились в ступенчатую линию, которой в настоящем Рённе не было.

Детали оставались правдоподобными.

Связи между ними — нет.

Как если бы город восстановили по отдельным фрагментам памяти, не понимая их взаимного расположения.

— Запускай двигатель, — приказал Нильс.

— Ещё десять секунд, — сказал Александр.

— Договор был на минуту.

— Именно.

На пятьдесят восьмой секунде Мира схватилась за край пульта.

— Он поворачивается.

— Кто?

— Берег.

Александр почувствовал это не глазами.

Внутреннее ухо подало ложный сигнал движения. Пол словно накренился, хотя пузырьковый уровень оставался в центре. Желудок дёрнулся вверх. К горлу подступила кислота.

Томас пошатнулся и упёрся рукой в стену.

Нильс вцепился в кресло.

Внешний мир сохранял горизонт.

Тело сообщало, что рубка вращается.

— Запускай! — повторил капитан.

Двигатель отозвался из глубины.

В тот же момент давление во внутреннем ухе исчезло. Александра качнуло в противоположную сторону, словно кабина резко остановилась.

Мира согнулась, зажав ладонью рот.

Томас тяжело дышал, не отрывая глаз от приборов.

Берег вернулся в прежнюю конфигурацию.

Маяк сместился влево. Краны заняли знакомое положение. Зелёный огонь снова оказался у причала.

Спутниковый индикатор загорелся жёлтым.

Затем зелёным.

— Координаты изменились, — сказал Томас.

Красная точка стояла почти в двух километрах западнее прежней позиции.

Там, где судно и должно было оказаться по расчётному пути до остановки двигателя.

— Значит, мы перемещались, — произнёс Нильс.

— Да.

— Но видели себя стоящими у порта.

Александр вытер холодный пот с виска.

— Двигатель перемещал реальный корпус. Инерциальный блок записывал путь. Расход топлива соответствовал движению. Но оптический, радиолокационный и спутниковый контуры оставались привязаны к исходной картине.

— К ложному берегу, — сказал Томас.

— К устойчивой проекции.

— Почему она исчезла после запуска двигателя?

— Не исчезла. Перестроилась.

Мира медленно выпрямилась.

— Когда двигатель работал, геометрия судна была устойчивой.

— Корпус, винты, вал, электрическая сеть создавали связанный набор колебаний, — сказал Александр. — После остановки один контур исчез. Остался другой.

Он посмотрел на левую руку.

— Тот, что пришёл с аппаратом.

Нильс включил связь.

— Машинное отделение. Проверить двигатель, вал, винты и расход топлива. Ничего необычного не трогать.

— Что теперь? — спросила Мира.

Капитан посмотрел на карту.

— Настоящий Рённе к востоку. Мы ушли на запад.

— Разворачиваемся? — спросил Томас.

Нильс не ответил.

Возвращаться к порту по картинке было невозможно. Спутниковая связь уже отказывала. Компас показывал ложное направление. Радар повторял проекцию.

— Нужен ориентир, не связанный с судовыми системами, — сказал Александр.

— Солнце закрыто, — ответил Нильс.

— Ветер меняется, — добавил Томас.

Мира посмотрела на воду.

— Течение.

— Слишком слабое.

— Но оно проходит под судном независимо от наших приборов.

Александр проследил за водорослью.

— Буй без электроники. Груз. Длинная линия.

— Чтобы измерить дрейф?

— Чтобы вынести контрольную точку за пределы корпуса.

На корме лежали аварийные буи.

Нильс вызвал Эмму.

Через минуту она вошла в рубку в красной непромокаемой куртке. Женщина смотрела на всех настороженно, особенно на открытую ладонь Александра.

Нильс коротко объяснил ей задачу по-датски.

Эмма не двинулась.

— Она спрашивает, почему мы не идём в порт, — перевёл Томас.

— Навигационная аномалия, — сказала Мира.

Нильс повторил.

Эмма указала за окно.

— Порт там.

— Мы его видим, — ответил Томас.

— Тогда почему капитан сказал, что мы от него ушли?

Нильс резко приказал ей подготовить буй.

Александр посмотрел на её часы.

— Который час?

Эмма подняла запястье.

— Четырнадцать сорок семь.

На судовом экране было четырнадцать сорок два.

— Покажи.

Цифровые часы Эммы отсчитывали секунды нормально.

Но опережали судно ровно на пять минут.

Томас сравнил показания со своим телефоном.

— Плюс пять.

— Когда выставляла? — спросила Мира.

Утром.

По судовым часам.

Нильс вызвал машинное отделение.

Ларс сообщил четырнадцать сорок два.

Йонас — четырнадцать сорок семь.

Две группы.

Нильс, Томас и Ларс жили по судовому времени.

Александр, Мира, Эмма и Йонас — на пять минут впереди.

— Где вы были во время погружения? — спросил Александр у Эммы.

— В камбузе.

— Всё время?

Она вспомнила, что выходила на корму, когда аппарат уже находился у борта.

Убрала тряпку, зацепившуюся за левый манипулятор.

— Касались корпуса?

— Только ткани.

Эмма показала ладони.

Возле указательного пальца правой руки проходила тонкая белая полоса.

Не порез.

След, похожий на старый ожог.

— Это было раньше?

Женщина посмотрела на руку.

Провела пальцем.

Покачала головой.

Потом подняла взгляд на Александра.

В нём не было простого страха.

Сначала возникло непонимание. Затем лицо опустело, словно рациональная часть сознания ещё не получила информацию, которую тело уже приняло.

Она смотрела на него так, как смотрят на человека, который уже мёртв, но ещё не упал.

— Вы были у окна, — сказала она.

— Какого?

— В порту.

Нильс резко спросил её по-датски.

Эмма не отвела взгляда от Александра.

Несколько минут назад она вышла на корму и посмотрела на берег.

В окне старого склада стоял человек с перевязанной левой рукой.

— Он поднял ладонь, — сказала она. — Показал пять.

На руке Александра уже не было повязки.

Эмма не видела, как Томас разрезал бинт.

— Он выглядел как я? — спросил Александр.

Она ответила не сразу.

— Старше.

Нильс вывел её на корму.

Томас остался перед экраном.

— Ложное распознавание лица, — сказал он. — Дистан-

ция слишком большая.

— Она различила повязку.

— Или увидела светлое пятно и достроила его.

— А возраст?

— Шум изображения. Ожидание. Страх.

Он говорил быстро, но взгляд оставался на временных шкалах.

Томаса пугал не образ человека.

Его пугало то, что четыре независимых прибора делили людей на две группы.

Эмма и Нильс сбросили буй.

Оранжевый цилиндр упал в воду. За ним потянулась белая верёвка с узлами через каждые пять метров.

Нильс вернулся в рубку и дал малый ход.

Линия натянулась.

Пять метров.

Десять.

Пятнадцать.

Буй оставался позади судна, точно на востоке.

На отметке двадцать пять верёвка перестала разматываться.

— Ещё тридцать метров свободно, — сказал Нильс.

Эмма проверила катушку.

Верёвка не была зажата.

Буй покачивался на волне, сохраняя расстояние до кор-
мы.

Нильс увеличил обороты.

Вода за винтом побелела.

Расстояние до буя осталось прежним.

— Совпадает с вектором судна, — сказал Томас.

— Течение не может ускориться одновременно с нами, —
ответил Нильс.

Александр смотрел на верёвку.

Она провисла.

При сохранении расстояния линия должна была быть на-
тянута.

— Его уже удерживает не верёвка.

— А что? — спросила Мира.

— Общая система координат.

Нильс приказал выбрать линию.

Первые метры шли легко.

На отметке двадцать верёвка остановилась.

Капитан и Эмма потянули вдвоём.

Буй не приблизился.

Волна подняла его над поверхностью.

Под оранжевым корпусом не было груза.

Только верёвка, уходившая в воду.

— Груз сорвало, — сказал Томас.

— Тогда он должен идти свободно.

Линия дёрнулась.

Эмма едва не выпустила катушку.

Второй рывок потянул Нильса к борту.

— Отпускай! — крикнул Александр.

Капитан разжал руки.

Катушка ударилась о палубу и начала разматываться.

Тридцать метров.

Сорок.

Пятьдесят.

Последний конец соскочил и исчез за бортом.

Буй остался в двадцати пяти метрах.

— Физической связи больше нет, — сказал Томас.

— Для нас нет, — ответил Александр.

Оранжевый цилиндр повернулся.

На его поверхности появилась тёмная полоса.

Томас дрожащими пальцами крутанул джойстик кормовой камеры.

Изображение увеличилось.

Зерно камеры слилось в серую кашу, но на оранжевом пластике проступил чёрный прямоугольник.

Внутри стоял силуэт.

Он поднял руку.

Пять пальцев.

Картинка дрогнула.

Один палец исчез не движением, а сразу, словно часть изображения перестала существовать.

Осталось четыре.

В ладони Александра вспыхнула боль.

Одна линия погасла.

— Четыре, — сказала Мира.

На буй набежала волна.

Когда он появился снова, чёрного пятна не было.

Судовые часы перескочили вперёд на одну минуту.

Механические часы Нильса продолжили идти нормально.

— Показания заражённой группы? — спросил Александр.

Мира подняла компьютер.

Эмма показала часы с палубы.

Йонас сообщил время из машинного отделения.

Все показывали четырнадцать сорок восемь.

Нильс, Томас и Ларс — четырнадцать сорок четыре.

Расхождение уменьшилось до четырёх минут.

— Это не таймер, — сказал Томас.

— Нет.

Александр прижал ладонь к груди.

Боль шла в такт не сердцу, а секундомеру на экране.

— Оно синхронизирует контуры, — выдохнул он.

— Какие контуры? — спросила Мира.

— Нас и судно. Две системы с разной фазой.

Он посмотрел на две временные шкалы.

— После камеры мы прожили лишние пять минут. Теперь фазовый сдвиг сокращается.

— Как у связанных генераторов, — сказал Томас. — Если между ними есть канал обмена энергией, частоты начинают

сходиться.

— Только здесь сходятся не частоты.

Александр посмотрел на свою руку.

— Геометрия, время и наблюдатели.

— Через что идёт связь? — спросил Нильс.

— Через всё, что образует непрерывный контур с аппаратом.

Кабель.

Корпус.

Электрическая сеть.

Люди, которые касались системы.

Не разум.

Не намерение.

Петля обратной связи.

Они направляли внимание на выход — и получали геометрию выхода. Искали человека — и система замыкалась на образе человека. Не потому, что понимала смысл.

Потому что наблюдение становилось частью измерения.

Слепое зеркало, которое не знало, что отражает.

Александр разделил экипаж на две группы.

Контакт:

Александр.

Мира.

Эмма.

Йонас.

Без подтверждённого контакта:

Нильс.

Томас.

Ларс.

Йонас поднялся из машинного отделения. На подушечке большого пальца у него была чёрная точка размером с булавочную головку.

— Болит? — спросила Мира.

— Нет.

— Чувствительность?

— Почти нет.

Александр показал ладонь.

Четыре красные линии сходились к центру.

— Мы проверим связь между группой и аппаратом, — сказал он.

— Каким образом? — спросил Нильс.

— Контактная группа останется на корме. Остальные перейдут к носу. Приборы автономные. Если интенсивность следов изменится, получим направление связи.

Мира посмотрела на него.

— Ты снова превращаешь себя в датчик.

— У меня единственный повторяемый сигнал.

— Это повреждение ткани.

— И измеримый период.

— Пока он не перестанет быть измеримым вместе с твоим

пульсом.

Нильс поднял руку.

— Две минуты. Все в жилетах. Никто не касается аппарата.

Контактная группа вышла на корму.

Мира встала рядом с Александром.

— Ты могла контролировать из рубки, — сказал он.

— Я в той же группе.

— Мы не знаем, что это значит.

— Поэтому я не оставлю тебя одного.

— Я не один.

Он посмотрел на Эмму и Йонаса.

— Я не о количестве людей.

Ветер сорвал прядь волос с её лица.

Александр отвернулся к морю.

Томас запустил секундомер.

Первые двадцать секунд ничего не происходило.

На сороковой море за кормой стало гладким.

Не успокоилось постепенно.

Волны продолжали подходить с боков, но, достигая половины шириной около десяти метров, исчезали.

Поверхность стала тёмной и ровной.

На ней появилось отражение «Фрейи».

Сначала обычное.

Потом оно отделилось от корпуса и начало двигаться назад.

Настоящее судно оставалось над ним.

Между двумя изображениями возникла полоса чёрной воды.

На палубе отражённой «Фрейи» стояли четыре человека.
Александр.

Мира.

Эмма.

Йонас.

Фигуры повторяли одежду, но не движения.

Отражённая Мира подошла к Александру.

Взяла его за руку.

Он резко оттолкнул её.

Она упала за борт.

Эмма вскрикнула.

Настоящая Мира не отвела глаз от поверхности.

— Это не будущее, — сказал Александр.

— Откуда ты знаешь?

— Проекция замкнулась на вероятном действии.

— Это может произойти.

— Может. Поэтому изображение убедительно.

Отражённый Александр повернулся к ним.

На его лице не было паники.

Он поднял четыре пальца.

Отражённая «Фрейя» стала погружаться.

Ровно.

Без крена.

Вода дошла фигурам до колен.

До пояса.

До груди.

Они не двигались.

Когда поверхность закрыла их лица, отражение распалось.

Волны вернулись.

Одна линия на руке Александра погасла.

Осталось три.

— Время, — сказал он.

Томас ответил по связи:

— У нас четырнадцать сорок девять. У вас четырнадцать пятьдесят две.

Расхождение — три минуты.

— Проверка закончена, — приказал Нильс.

Они двинулись к двери.

Йонас остановился.

На его пальце вместо чёрной точки проступили три тонкие линии.

— Контур распространяется, — сказал Томас.

— Не распространяется, — поправил Александр. — Система уже была связана. Мы только увидели проявление.

Эмма показала на берег.

Рённе окружал судно.

Слева находился порт.

Справа — тот же порт.

За кормой — красные крыши.

Перед носом — маяк и зелёный сигнальный огонь.
Четыре одинаковых берега замыкали море в квадрат.
— Все внутрь! — приказал Нильс.

Двери рубки закрыли.

Нильс направил судно на север.

Расстояние до берега не менялось.

Повернул на юг.

То же.

Радар показывал четыре одинаковые береговые линии.

Эхолот повторял один и тот же участок дна в четырёх направлениях.

— Пространство не стало квадратным, — сказал Александр. — Квадратной стала функция расстояния.

— Говори человеческим языком, — потребовал Нильс.

— Любое выбранное направление возвращает одну и ту же дистанцию до цели.

— До порта?

— До того, что система использует как порт.

— Почему именно порт?

— Потому что мы измеряем путь относительно него. Проекция замыкается на нашем ориентире.

Мира первой посмотрела на шторы.

— Убрать ориентир.

Нильс понял.

Наружные камеры отключили.

Радар перевели в пассивный режим.

Спутниковую карту убрали.

Шторки закрыли.

Двигатель перевели в нейтраль.

— Дальше? — спросил Йонас.

— Дрейф, — сказал Александр. — Не задаём направление. Позволяем течению изменить положение без выбранной цели.

— Идти вслепую?

— Не идти.

— Это судно, а не лабораторная установка.

— Сейчас оно и то и другое.

Нильс сжал челюсть, но не возразил.

Томас фиксировал время всех устройств каждые тридцать секунд.

Расхождение оставалось три минуты.

Эмма сидела у стены, прижимая ладонь к груди.

— Что будет на нуле? — спросила она.

До этого никто не произносил вопрос.

Александр посмотрел на три линии под кожей.

— Возможно, ничего.

— Ты сам в это не веришь.

— Я не знаю, что означает ноль.

— Тогда что означает счёт?

Александр посмотрел на временные шкалы.

Семь линий.

Шесть ударов.

Пять минут разницы.

Четыре берега.

Три минуты фазового сдвига.

— Это не отсчёт до события, — сказал он. — Это число независимых состояний, которые ещё не совпали.

— Какие состояния?

— Наше время и время судна. Направление тяжести. Геометрия корпуса. Положение наблюдателя. Возможно, ещё что-то.

— На каждом шаге система убирает различие, — сказал Томас.

— Замыкает контур, — ответил Александр.

Под столом что-то дрогнуло.

Ручка покатила к краю.

Кружка Томаса скользнула по пульта и ударила о вертикальную переборку.

Осталась на стене.

Внутреннее ухо Александра потеряло направление.

Пол исчез.

Тело сообщило, что его резко повернули на девяносто градусов. Кровь ударила в виски. Желудок сжался, и горячая кислота поднялась к горлу.

Мира рухнула на колени, зажав уши ладонями.

Томас упал плечом на панель.

Эмму вырвало прямо на пол.

Нильс удержался за кресло, но из носа у него пошла кровь.

Несколько секунд вертикальная стена стала для тела низом.

Потом тяжесть вернулась.

Кружка сорвалась и разбилась о пол.

Александр не сразу смог поднять голову. Горизонт продолжал вращаться за закрытыми глазами.

— Время, — выдавил он.

Томас вытер рот рукавом.

— У нас пятьдесят три.

Нильс посмотрел на механические часы.

— Пятьдесят одна.

Расхождение — две минуты.

Из машинного отделения раздался голос Ларса:

— Капитан, топливо идёт вверх.

Нильс схватил микрофон.

— Что значит вверх?

— Из контрольной трубки. Не падает в поддон. Поднимается к потолку.

Йонас шагнул к двери.

— Я спускаюсь.

— Нет, — сказал Александр.

— Там Ларс.

— Сначала проверьте направление тяжести.

Нильс взял пузырьковый уровень.

Они с Йонасом вышли.

Камера показала коридор.

Он был длиннее, чем должен.

Дверь машинного отделения находилась в десяти метрах от рубки вместо четырёх.

— Камера растянула перспективу, — сказал Томас.

Нильс поднял уровень.

Пузырёк сместился к краю, хотя стены выглядели вертикальными.

— Мы идём уже минуту, — сообщил капитан. — Дверь не приближается.

Александр посмотрел на схему.

— Перестаньте идти к машинному.

— Ларс там.

— Развернитесь к рубке.

Они повернулись.

Через три шага дверь рубки оказалась перед ними.

Нильс вошёл первым.

— Расстояние фиксируется выбранной целью, — сказал Александр.

— Мы уже поняли, — ответил Йонас. — Как добраться до Ларса?

Нильс вызвал механика.

— Ларс, не иди к выходу. Остановись.

В динамике раздался тяжёлый вдох.

— Здесь кто-то есть.

— Кто?

— Йонас.

Настоящий Йонас стоял рядом.

— Что он делает? — спросил Александр.

— Стоит у двери. Показывает два пальца.

— Не смотреть на него, — сказала Мира.

Нильс повторил.

Из динамика пришёл металлический звук.

— Он вошёл.

Связь оборвалась.

Йонас бросился к двери.

Капитан схватил его.

— Отпусти!

— То, что видит Ларс, замкнулось на твоём образе, — сказал Александр. — Если ты пойдёшь к нему, система получит совпадающий сигнал с двух сторон.

— Он там один.

— Именно поэтому нельзя давать ей второго Йонаса.

— Это не существо, — резко сказал Томас. — Ты сам это говорил.

— Я и не говорю о существе. Я говорю о двух одинаковых граничных условиях.

Томас замолчал.

Цифры он понимал лучше образов.

— Корпус, — сказал Александр. — Звук через металл.

Нильс взял ключ и трижды ударил по трубе.

Коротко.

Коротко.

Долго.

— Аварийный код. Ответить двумя длинными.

Они ждали.

Через десять секунд из глубины пришли два глухих удара.

Ларс был жив.

Нильс передал приказ оставаться на месте.

Ответ — один короткий.

— Теперь вывести его не к рубке, — сказал Александр.

— Есть аварийный люк?

— В потолке машинного. Ведёт в кормовой технический отсек.

— Пусть не смотрит на дверь. Только вверх.

Команду отбили по трубе.

Через полминуты кормовая камера показала, как открылся люк.

Из него появилась рука.

Потом голова Ларса.

Он выбрался в технический отсек и остался сидеть на полу.

Один.

Без второго Йонаса.

Через тридцать секунд фазовый сдвиг оставался две ми-

нуты.

— Стабилизировалось, — сказал Томас.

— Нет.

Мира смотрела на руку Александра.

Две линии изгибались внутри.

Их концы приближались друг к другу, формируя незамкнутый круг.

Она коснулась его запястья.

— Пульс слишком частый.

Александр приложил пальцы правой руки к шее.

— Семьдесят восемь.

— Под кожей другой ритм.

Томас принёс медицинский датчик.

На экране появились две кривые.

Первая — пульс Александра.

Вторая — импульсы с периодом шесть целых восемь десятых секунды.

Тот же ритм, в котором двигалась каменная плита.

— Связь не электрическая, — сказал Томас. — Кабель отключён.

— Электрическая ёмкость здесь ни при чём, — ответил Александр. — Оптоволокно сохраняет непрерывную геометрию между аппаратом и судном.

— Световод не может переносить массу или искривление пространства.

— Не переносит. Он задаёт границу.

Томас посмотрел на схему кабеля.

— Волновод.

— Возможно.

— Кабель проходит от манипулятора через барабан в корпус. Силовая жила, экран, оптоволокну. Несколько непрерывных слоёв.

— Физический мост между двумя геометриями, — сказала Мира.

Томас быстро вывел параметры линии.

— После подъёма в оптоволокну идёт паразитное отражение.

— Откуда?

— Не знаю. На отключённой линии не должно быть сигнала вообще.

— Частота?

Он посмотрел.

— Период шесть и восемь.

Александр почувствовал, как холодеет спина.

— Стоячая волна.

— Не в обычном смысле, — сказал Томас. — Но отражение возвращается без затухания. Кабель замыкает контур.

— Если разорвать физическую линию...

— Резонанс потеряет границу, — закончил Томас. — Или перейдёт на следующий проводящий элемент.

— Поэтому сбрасывать нужно весь барабан вместе с аппаратом.

На стене технического отсека появилась тень.

Женская фигура.

Никто не стоял перед лампой.

Тень не совпадала с направлением света. Аварийные фонари находились справа, но её контур падал влево.

В динамике раздался голос Ларса.

— Она здесь.

Голос был слишком чистым.

Без шума микрофона.

Без гула двигателя.

Без дыхания.

Он возникал так, словно поступал прямо в слуховой нерв.

— Кто? — спросил Нильс.

— Анна.

Жена Ларса умерла два года назад.

Тень наклонилась к открытому люку.

У неё не было лица, но там, где должен был находиться рот, шевельнулась полоса темноты.

— Она говорит, всё закончилось.

— Ларс, не смотри, — сказал Нильс.

— Она не изменилась.

— Потому что это не она, — ответил Александр.

— Ты не знаешь.

— Знаю.

Он смотрел на тень.

— На ней нет света. Она существует отдельно от ламп. И

её голос не проходит через микрофон.

Внизу щёлкнул карабин.

— Что ты делаешь? — спросил Нильс.

— Снимаю жилет.

— Зачем?

— Он мешает пройти.

Нильс бросился к люку.

Александр схватил его.

— Если полезешь, расстояние снова растянется.

Из машинного отделения донёсся звук расстёгиваемой молнии.

Ларс готовился войти в изображение жены так, будто это была дверь.

Тень протянула руку вниз.

— Анна, — прошептал он.

Александр посмотрел на аварийный сброс кабеля.

— Отделяем «Манту».

Нильс замер.

За одну секунду он оценил всё.

Стоимость аппарата.

Потерю единственного средства исследования объекта.

Невозможность проверить дно без него.

Потом посмотрел на тень и открытый люк.

— Без «Манты» мы ослепнем, — сказал он.

— С ней мы уже видим не то, что существует.

Нильс поднял защитную крышку.

— Аварийный сброс.

Томас стоял у схемы.

— Пирозамок разорвёт силовую жилу, но барабан останется на раме.

— Второй размыкатель?

— Механический. Если первый сработает, кабель пойдёт через направляющую.

— Тогда разрываем оба.

— Свободный конец может ударить по палубе.

— Все внутрь.

Тень на стене вытянулась.

Ларс заплакал.

Не громко.

Так плачут люди, которые слишком долго запрещали себе помнить.

— Она ждала, — сказал он.

— Это не ожидание, — ответил Александр. — Это петля, замкнувшаяся на твоей памяти.

— Она знает, что я сказал ей перед смертью.

— Потому что это знаешь ты.

Последняя фраза заставила Ларса замолчать.

Тень дрогнула.

Впервые её контур стал неправильным.

Левая рука оказалась длиннее правой.

Локоть согнулся не в ту сторону.

Аномалия воспроизводила образ, но не понимала тела.

— Сейчас, — сказал Александр.

Нильс дёрнул рычаг.

Из кормы пришёл взрывной хлопок.

«Фрейя» резко накренилась.

Кабель сорвался с направляющих. «Манта» ударилась о борт и ушла за корму.

Барабан вращался с визгом.

Тень растянулась до потолка.

Внутреннее ухо Александра снова потеряло вертикаль. Его отбросило на стену. Мира ударилась коленом о ступеньку.

Томас вцепился в металлическую раму.

— Второй замок! — крикнул он.

Нильс повернул механический размыкатель.

Кабель лопнул.

Свободный конец ударил по палубе и исчез за бортом.

Гул прекратился.

Не постепенно.

Сразу.

Тень на стене распалась.

Из машинного отделения донёсся крик Ларса.

Пол вернулся под ноги с такой силой, что у Александра подогнулись колени.

Кровь отхлынула от висков. В ушах зазвенело.

Мира сидела на полу, тяжело дыша.

Эмму снова вырвало.

Нильс первым спустился к Ларсу.

На этот раз лестница сохранила длину.

Механик лежал возле двигателя.

Живой.

Без спасательного жилета.

В правой руке он сжимал обрывок чёрного кабеля.

На ладони проступала одна тонкая линия.

Нильс разжал его пальцы инструментом.

Кабель упал на решётку.

На срезе оптоволоконна горела белая точка.

Томас накрыл конец металлическим контейнером.

Свет исчез.

Последняя линия на руке Александра погасла.

— Стоячая волна схлопнулась, — сказал Томас.

— Нет, — ответил Александр, глядя на контейнер. — Потеряла опору на корпус.

— Разница?

— Волна могла сохраниться снаружи.

Ларс пришёл в себя в медицинской каюте.

Он не помнил, как снял жилет.

Помнил только жену.

Она стояла у окна рубки и звала его домой.

Нильс вернулся к управлению.

Шторки оставались закрыты.

— Координаты меняются, — сказал он.

— Направление?

— Северо-восток. Нас сносит течением.

— Значит, фиксация исчезла.

— Возможно.

Нильс посмотрел на Александра, но не прокомментировал это слово.

Он поднял шторку на несколько сантиметров.

За стеклом находилось море.

Только море.

Никаких четырёх берегов.

Когда окно открыли полностью, Рёнке оказался далеко на востоке.

Настоящий берег выглядел меньше ложного. Маяк едва различался. Краны почти сливались с серым небом.

Спутниковая карта показывала, что «Фрейя» ушла на три с половиной километра западнее точки возникновения аномалии.

— До порта двадцать восемь минут, — сказал Томас.

Число не менялось несколько секунд.

Потом стало двадцать семь.

Нильс запустил двигатель.

Судно легло на восточный курс.

Берег начал приближаться.

На этот раз медленно и последовательно.

Александр стоял у окна.

Красные линии исчезли.

Порез почти закрылся. Осталась тонкая светлая полоска.

Мира встала рядом.

— Закончилось?

— Контур разорван.

— Это не ответ.

— Другого пока нет.

Она посмотрела за корму.

Где-то там тонула «Манта», соединённая с кабелем и частью аппаратуры.

— Мы вернули её в воду.

— Не туда, где нашли.

— В трёх с половиной километрах от объекта.

— Да.

— Значит, система использовала судно как транспорт?

— Мы перенесли физическую границу. Это факт. Всё остальное — вывод.

— Очень удобная осторожность.

Александр посмотрел на неё.

— Сейчас она удерживает меня от слова «хотела».

Мира кивнула.

На сонаре появилась отметка.

Томас наклонился к экрану.

— Объект под кормой.

Нильс сбросил ход.

— «Манта»?

— Не может быть. Мы прошли почти километр.
Отметка двигалась на глубине двадцати двух метров.
Сохраняла скорость судна.

— Отключи активный сигнал, — сказал Александр.
Сонар замолчал.

В пассивном канале возник импульс.
Один.

Пауза.

Второй.

Третьего не было.

Вместо него динамик воспроизвёл запись.

Голос Миры:

— Закончилось?

Затем голос Александра:

— Другого пока нет.

Запись оборвалась.

— Передатчик аппарата отключён, — сказал Томас.

— Батареи сняты, — добавил Нильс.

— Значит, это не передача в обычном смысле.

На глубиномере двадцать два сменилось на двадцать
один.

Потом на двадцать.

Отметка поднималась.

Нильс дал полный ход.

«Фрейя» пошла к берегу.

На девятнадцати метрах сигнал исчез.

Они ждали.

Канал оставался чистым.

До порта оставалось двадцать две минуты.

Потом двадцать одна.

Двадцать.

Время шло нормально.

Когда оставалось пятнадцать минут, Томас снова включил сонар.

Под судном ничего не было.

— Потеряли, — сказал он.

— Проверь кормовой сектор, — ответил Александр.

На поверхности в трёхстах метрах за ними находилась тёмная точка.

Камера приблизила изображение.

Из воды торчал верхний край «Манты».

Аппарат стоял вертикально, словно опирался на дно, хотя глубина превышала двадцать метров.

На сером корпусе появился чёрный прямоугольник.

Окно.

За ним находилась рубка «Фрейи».

Не отражение настоящей рубки.

Внутри стояли семь человек.

Нильс.

Томас.

Эмма.

Йонас.

Ларс.

Мира.

Александр.

Все неподвижно смотрели вперёд.

За окнами той рубки не было моря.

Там находился подводный каменный коридор.

В глубине светились семь линий.

Томас увеличил изображение.

Вторая «Фрейя» выглядела старой.

Краска облупилась. Стёкла покрылись мутным налётом.

Металл был разъеден коррозией.

На пульте перед вторым Томасом горел экран.

Дата была различима.

Следующий год.

— Ошибка метаданных, — сказал Томас.

Но голос его сорвался.

Второй Александр медленно повернул голову.

Посмотрел прямо в камеру.

На ладони у него не было линий.

Только круглый чёрный след в центре.

Он прижал руку к стеклу изнутри.

Настоящий Александр не двигался.

Но его левая ладонь сама легла на холодное окно рубки.

Пальцы распрямились.

Он не почувствовал движения мышц.

Только мгновенный холод.

Не со стороны стекла.

Изнутри руки.

Изображение исчезло.

Но ладонь Александра осталась прижатой к окну ещё секунду, словно с другой стороны её удерживало давление.

Мира схватила его за запястье и оторвала руку от стекла.

На поверхности окна остался круглый след инея.

Со стороны рубки.

Внутри тёплого помещения.

— Ты это сделал? — спросила она.

Александр смотрел на ладонь.

В центре кожи проступила чёрная точка.

Размером с булавочную головку.

— Нет.

«Манта» упала набок.

Сразу стала обычным тяжёлым аппаратом.

Корпус скрылся под водой.

На поверхности осталось несколько пузырей.

Потом море успокоилось.

Нильс не запретил сохранять запись.

Никто не предложил удалить файл.

До Рённе оставалось четырнадцать минут.

Александр смотрел на пустую воду за кормой.

Теперь временные шкалы совпадали.

Геометрия судна восстановилась.

Гравитация снова имела одно направление.

Но совпадение не означало возвращения к исходному состоянию.

Два связанных контура синхронизировались не потому, что один исчез.

Они могли войти в общий режим.

Где-то существовала другая «Фрейя».

Та же команда.

Тот же объект.

Только для неё прошёл год.

Или дата на их собственных приборах была неправильной.

Александр закрыл чёрную точку пальцем, прежде чем Мира успела рассмотреть её.

На причале Рёнке мигнул зелёный огонь.

Один раз.

Пауза.

Второй.

Третьего не последовало.

МАТЕРИАЛ R17-F03

КОПИЯ

Источник: автономная камера рубки

CAM-BRIDGE / FRAME 005

Судно: «Фрейя»

фрагмент между кадрами 004 и 006
отсутствует

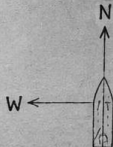
Примечания наблюдателя:

Судно двигалось устойчивым курсом на запад.

Гирокомпас - отклонений не зафиксировано.

Береговая линия и маяк не приближаются,
не удаляются.

Оба изображения маяка получены одновременно
из разных иллюминаторов.

Приложение: телеметрия курса - см. материал R17-A03

СЛУЖЕБНАЯ ОТМЕТКА

Кадры 004 и 006 повреждены.

Носитель № 2.

Часть данных не извлечена.

№ 2/3

Глава 5

Нулевая отметка

Через несколько секунд, когда пауза уже стала похожа на окончательную, зелёный огонь всё-таки мигнул в третий раз.

Александр ждал четвёртого.

Огонь погас.

На его месте осталась обычная портовая лампа — маленькая, почти незаметная среди мокрого бетона, складских стен и белёсого дневного света.

«Фрейя» шла к Рёнке малым ходом.

После разрыва кабеля приборы больше не спорили друг с другом. Спутниковая отметка двигалась по карте. Механический компас удерживал восток. Расстояние до причала уменьшалось последовательно: четырнадцать минут, тринадцать, двенадцать.

Вода за кормой оставалась водой.

Берег не размножался.

Гравитация имела одно направление.

Время шло вперёд.

Обычный мир возвращался с такой убедительностью, что Александр почти ненавидел его.

Он позволял решить, что всё закончилось.

Левую руку Александр держал сжатой.

В центре ладони находилась чёрная точка — не больше следа от грифеля. Круглая, с ровным краем, лишённая воспаления. Кожа вокруг сохраняла нормальный цвет. Порез у основания большого пальца почти закрылся.

Со стороны пятно можно было принять за машинную смазку.

Он уже пытался стереть его спиртовой салфеткой.

Потом соскабливал ногтем.

Затем осторожно провёл по нему лезвием мультитула.

Снялся тонкий слой эпидермиса.

Точка осталась.

— Покажи руку, — сказала Мира.

Она стояла рядом с ним у окна рубки.

— Порез почти затянулся.

— Я не о порезе.

— Сейчас не время.

— Именно сейчас.

Александр продолжал смотреть на приближающийся причал.

Там уже ждали люди. Белый автомобиль береговой службы. Машина скорой помощи. Два человека в жёлтых непромокаемых костюмах у швартовных тумб.

Чуть дальше стоял полицейский фургон.

— Через несколько минут нас разделят, — сказал Александр. — Возьмут анализы, изолируют оборудование и нач-

нут задавать вопросы. Нам нужно согласовать, что именно мы сообщаем.

— Нам нужно понять, что у тебя в руке.

— Для этого и существуют анализы.

Мира протянула ладонь.

— Саша.

Он посмотрел на неё.

За последние часы её лицо почти не изменилось. Красные следы маски исчезли. Волосы высохли. Дыхание было ровным.

Изменилось другое.

Раньше Мира ждала, что он объяснит происходящее.

Теперь следила, не скроет ли он что-нибудь первым.

Александр разжал пальцы.

Мира наклонилась.

Несколько секунд не двигалась.

— Когда появилось?

— После изображения второй «Фрейи».

— Почему сразу не сказал?

— Я не был уверен, что это не грязь.

— Ты уже проверил.

Это не было вопросом.

— Спиртом.

— И?

— Не изменилось.

— Ещё чем?

Александр помолчал.

— Лезвием.

Мира подняла глаза.

— Ты резал себе ладонь?

— Снял верхний слой кожи. Без давления.

— И точка осталась.

— Да.

Она осторожно взяла его за запястье.

Александр не отстранился.

Мира провела большим пальцем по чёрному пятну.

Её рука дёрнулась.

Она резко отпустила его.

— Что?

Мира посмотрела на свой палец.

— Как будто коснулась металла на морозе.

Александр приложил к точке палец правой руки.

Ничего.

Кожа оставалась тёплой.

— Возможно, сосудистый спазм.

— Только в одном участке пальца?

— После переохладения бывает и не такое.

Мира снова поднесла руку к его ладони, но не коснулась.

— Ты сам веришь в это объяснение?

— Я проверяю обычные причины.

— Ты прячешься за ними.

Александр сжал пальцы.

— Я боюсь, что это не повреждение ткани.

Мира не перебила.

— А что?

— Связь.

— С аппаратом?

— С объектом. Со второй «Фрейей». С другим состоянием пространства. Я не знаю.

— Ты сказал, что физический контур разорван.

— Кабель разорван.

— А этот?

Александр посмотрел на кулак.

— Возможно, нет.

Мира кивнула.

Не потому, что согласилась.

Потому что впервые за последние минуты услышала от него честный ответ.

— Не скрывай это от врачей.

— Не стану.

— И от меня.

Он ответил не сразу.

Мира заметила задержку.

— Скажи нормально.

— Я не стану скрывать от тебя изменения.

— Не только изменения.

— Что ещё?

— Страх.

Александр усмехнулся без улыбки.

— Страх нельзя измерить.

— Поэтому его не существует?

— Поэтому я не знаю, что с ним делать.

— Можно хотя бы назвать.

Он посмотрел на море.

— Я боюсь, что, когда мы разорвали кабель, связь не исчезла. Она просто выбрала другой непрерывный контур.

— Твоё тело.

— Возможно.

— А почему именно ты?

— Я первым коснулся пластины. На мне появился рисунок. Я находился ближе всего к границе во время вспышки.

— Ты всё ещё говоришь о себе как об оборудовании.

— Сейчас это полезнее, чем говорить о себе как о жертве.

Мира хотела ответить, но внутренняя связь ожила.

— Готовимся к швартовке, — сказал Нильс. — Никто не покидает судно без команды береговой службы.

Мира убрала руку.

На подушечке её большого пальца осталась маленькая белая точка.

Она возникла там, где кожа касалась пятна.

— Мира.

Она уже увидела.

Потёрла палец.

Белизна исчезла, но чувствительность вернулась не сразу.

«Фрейя» вошла в гавань в четырнадцать пятьдесят девять.

Портовые часы над зданием администрации показывали четырнадцать пятьдесят четыре.

Александр заметил разницу ещё до того, как судно прошло волнорез.

Большой циферблат был закреплён между окнами второго этажа. Чёрные стрелки, белый фон, ржавые потёки вокруг болтов.

Пять минут.

Он посмотрел на судовой экран.

14:59:08

На механических часах Нильса — почти то же время.

Томас проверил телефон.

— Пятьдесят девять.

— Портовые отстают, — сказал Нильс.

— Утром совпадали? — спросила Мира.

Капитан задержался с ответом.

Перед отходом он сверял время с диспетчерской. Не по необходимости — из привычки. Портовые часы тогда показывали девять тридцать девять. Судовые — девять тридцать девять.

— Совпадали.

— Спроси диспетчерскую, — сказал Александр.

Нильс взял микрофон.

— «Фрейя» диспетчерской. Подтвердите текущее местное время.

Несколько секунд шёл статический шум.

— Четырнадцать пятьдесят пять, — ответила женщина.

Нильс посмотрел на судовой экран.

15:00:02

— Подтвердите источник синхронизации.

— Центральный сервер порта. Спутниковая коррекция.

Томас вывел на экран данные судового приёмника.

— У нас тоже спутниковая.

Два приёмника.

Один город.

Два времени.

Разница — пять минут.

Машины на берегу двигались нормально. Чайка пролетела над водой, села на волнорез и сложила крылья. Рабочий на причале поднял верёвку и перекинул её через плечо.

Мир не выглядел отстающим.

— Мы снова в другой фазе, — сказала Мира.

— После сброса аппарата все судовые устройства совпали, — возразил Томас.

— Все устройства на судне, — ответил Александр.

— Ты считаешь, что весь корпус остался в том временном состоянии, которое возникло у объекта?

— Не весь корпус.

Он посмотрел на ладонь.

— Всё, что успело синхронизироваться до разрыва контура.

— Люди и приборы?

— И, возможно, сам объём пространства, который судно удерживало вокруг себя.

Томас покачал головой.

— Пространство не прикрепляется к корпусу.

— Обычное — нет.

Нильс продолжал смотреть на портовые часы.

— Не сообщай им о расхождении, — сказал Александр.

Капитан повернулся.

— Почему?

— Пока мы не знаем, чьи часы показывают правильное время.

— Моё судно входит в порт с ошибкой синхронизации. Я обязан сообщить.

— Если ты скажешь, что берег отстаёт на пять минут, нас не допустят к причалу.

— Нас и так собираются изолировать.

— Пока они считают это медицинской проблемой.

— А ты чем считаешь?

Александр посмотрел на чёрную точку.

— Локальной фазовой границей.

Нильс нахмурился.

— Человеческим языком.

— Время не изменилось целиком. У нас и у берега оста-

лись разные последовательности событий. Приборы не ошибаются. Каждый честно показывает время своей системы.

— И какая из них настоящая?

— Обе.

— Такого не бывает.

— Уже было. Для нас под водой прошло восемь минут. Для судна — три.

Нильс перевёл взгляд на причал.

— Тогда кто сейчас встречает нас? Люди из нашего времени или из своего?

Александр не ответил.

Технический причал находился в стороне от пассажирской гавани. Старый бетон, склад с заколоченными окнами, металлическая лестница, уходившая в воду. За ограждением стояла медицинская группа.

Люди в белых защитных костюмах выглядели чрезмерно подготовленными для обычной травмы водолаза.

— Кто указал возможное заражение? — спросил Александр.

— Я, — сказал Нильс.

— Что именно передал?

— Неизвестное физическое воздействие. Изменения кожи. Сбои оборудования. Возможная необходимость изоляции.

— Про расхождение времени?

— Нет.

— Про вторую «Фрейю»?

— Нет.

— Правильно.

Нильс посмотрел на него.

— Не принимай это за согласие.

— Я не принимаю.

— Если береговая служба спросит прямо, я отвечу прямо.

— Отвечай тем, что измерено.

— Моё судно пришло в порт на пять минут раньше самого себя. Это измерено?

Александр посмотрел на часы.

— Пока нет.

Нильс дал команду на швартовку.

Верёвки легли на тумбы.

Двигатель перешёл в нейтраль.

Трап установили с берега, не позволяя экипажу прикасаться к людям на причале.

Первым поднялся мужчина в белом костюме и прозрачном щитке. На груди было написано:

DR. E. LUND

Он остановился на палубе.

— Кто руководитель экспедиции?

Мира шагнула вперёд.

— Мира Соколова.

— Капитан?

— Нильс Кристиансен.

— Пострадавшие?

Нильс указал на Александра и Ларса.

— Остальные контактировали с оборудованием?

— Да, — ответила Мира. — В разной степени.

Доктор Лунд посмотрел на пустые крепления «Манты».

Кабельного барабана не было. На корме остались царапины от аварийного сброса.

— Где подводный аппарат?

— Потерян, — сказал Нильс.

— Причина?

— Аварийное отделение.

— Представляет опасность для навигации?

— Координаты последнего визуального контакта сохранены.

Доктор перевёл взгляд на Александра.

— Руку.

— Сначала атмосфера судна, — сказала Мира.

— Уже проверяется.

Специалист у трапа держал газоанализатор.

— Токсичных газов нет. Радиационный фон в норме. Биологическая угроза неизвестна, поэтому вы пройдёте первичную обработку и останетесь в изоляции до получения результатов.

— На сколько? — спросил Томас.

— Возможно, на ночь.

Ларс тяжело сел на скамью.

Нильс поддержал его.

Лунд снова посмотрел на Александра.

— Покажите ладонь.

Александр разжал пальцы.

Чёрная точка оставалась на месте.

Доктор наклонился.

— Ожог?

— Не знаю.

— Боль?

— Нет.

— Когда появился?

— Около двадцати минут назад.

Мира посмотрела на него.

С момента появления по судовым часам прошло двадцать пять минут.

По береговым — двадцать.

Александр понял ошибку слишком поздно.

— Точное время? — спросил Лунд.

— Четырнадцать тридцать девять.

Доктор посмотрел на планшет.

— Сейчас четырнадцать пятьдесят семь. Восемнадцать минут назад.

— Приблизительно.

Лунд коснулся кожи пластиковым щупом.

— Чувствуете?

— Да.

Нажал рядом.

— Здесь?

— Да.

Коснулся точки.

Александр не почувствовал давления.

— Теперь?

— Нет.

Доктор повторил прикосновение сильнее.

— Совсем?

— Совсем.

Лунд включил маленький фонарик.

Луч лёг на кожу, обозначил поры, складки, края зажившего пореза.

Чёрная точка блика не дала.

Доктор изменил угол.

Поверхность оставалась одинаково чёрной.

— Матовая корка, — сказал он, но голос стал тише.

Из кармана появился дерматоскоп с кольцевой подсветкой и поляризационным фильтром.

Лунд приложил прибор к ладони.

Посмотрел.

Отнял.

Протёр линзу.

Попробовал снова.

— Что вы видите? — спросила Мира.

Доктор включил внешний экран.

На изображении была ладонь Александра.

Кожа вокруг пятна увеличилась: борозды, поры, мелкие сосуды.

На месте чёрного круга находился ровный серый квадрат.

Цвет, которым программа обозначала отсутствие данных.

Лунд направил дерматоскоп на свою руку.

Изображение появилось полностью.

Вернул к ладони Александра.

Снова серый квадрат.

— Фильтр не получает отражённого света, — произнёс доктор.

Томас приблизился.

— Полное поглощение?

— В таком диапазоне человеческая ткань не может полностью поглотить подсветку.

— Чёрное покрытие может.

— Тогда я должен видеть поверхность покрытия. Текстуру. Края. Что-нибудь.

— А здесь?

Лунд увеличил изображение.

— Здесь прибор не видит границу ткани.

Он говорил медленно, подбирая точные слова.

— Не потому, что участок слишком тёмный. Фокусировка не находит поверхности. Поляризационный канал не получает ответного сигнала. Глубинный канал тоже.

— Артефакт программной обработки, — сказал Алек-

сандр.

— Возможно.

— Проверьте в необработанном режиме.

Лунд переключил настройки.

Серый квадрат стал чёрным.

Не изображением пятна.

Пустым участком матрицы.

— Пиксели исправны, — сказал доктор. — Они работают на соседнем участке.

Он снял дерматоскоп.

На лбу выступили капли пота.

— Прибор не видит ткань.

— Ткань существует, — сказал Александр.

— Кровоснабжение вокруг точки есть. Кожа не разрушена. Но внутри этой границы нет ничего, что возвращает оптический сигнал.

Лунд посмотрел на него.

— Это не обычная рана.

Он не сказал «дыра в геометрии».

Но по его лицу было видно: более точного медицинского термина у него нет.

— Никто больше не прикасается к его ладони, — приказал доктор.

Мира незаметно спрятала большой палец в кулак.

Их выводили с судна по одному.

Сначала Ларса — на каталке.

Затем Эмму и Йонаса.

После них Томаса, Миру и Александра.

Нильс покинул «Фрейю» последним. Передал ключи сотруднику портовой службы и трижды проверил, зафиксированы ли швартовы.

Оружия у людей на причале не было.

Александр всё равно чувствовал себя задержанным.

Каждого провели через серую палатку. Там пришлось снять верхнюю одежду, обувь, часы и личные вещи. Всё упаковали отдельно. Кожу проверили ультрафиолетом, взяли мазки, измерили температуру.

С Александром работали дольше.

Чёрная точка не светилась, не нагревалась и не реагировала на растворы.

Медсестра попыталась взять соскоб.

Лезвие прошло по поверхности.

На стекло упали обычные клетки эпидермиса.

Точка осталась.

— Повторите, — сказал Лунд.

— Вы уже сняли верхний слой, — возразила Мира из соседнего сектора.

— Нам нужен материал самого образования.

— Вы уверены, что это образование?

Доктор не ответил.

Медсестра снова провела лезвием.

На этот раз выступила кровь.

Чёрная точка не изменилась.

Капля подошла к её краю.

Разделилась.

Два тонких потока обогнули круг и соединились с другой стороны.

Кровь не пересекла пятно.

— Хватит, — сказала Мира.

Лунд поднял руку.

Медсестра остановилась.

Несколько секунд доктор смотрел на ладонь Александра.

— Прозрачная повязка вокруг. Центр не закрывать.

— Почему? — спросил Александр.

— Я не хочу создавать над ним ещё одну границу.

Он произнёс это как врач, который сам не ожидал от себя таких слов.

После обработки их перевели в старое административное здание у технического причала. Первый этаж переоборудовали под временную изоляцию: белые пластиковые перегородки, складные кровати, переносные приборы, металлические столы.

Помещение рассчитывали на пищевое отравление или аварию с химикатами.

Не на людей, вернувшихся на пять минут позже берега.

Окна выходили в гавань.

«Фрейя» стояла в шестидесяти метрах. На палубе работали специалисты в защитных костюмах. Они фотографировали царапины, брали пробы воды, проверяли остатки кабельной системы.

Александра посадили отдельно.

Мира находилась за прозрачной стенкой в соседнем секторе. Говорить можно было через переговорное устройство.

Она смотрела на перегородку так, будто хотела проверить её прочность.

Четыре года назад похожая прозрачная стена отделяла её от комиссии. Тогда формально никто не называл это изоляцией. Просто существовали стол, протокол, несколько вежливых людей и расстояние, которое нельзя было преодолеть словами.

Она поклялась, что больше не позволит другим решать, кого считать опасным, а кого чистым.

Теперь решение уже приняли.

Мира прижала ладонь к холодному пластику.

Белой точки на пальце не было.

Но кожа всё ещё помнила холод ладони Александра.

— Палец? — спросил он.

Она подняла руку.

— Чувствительность вернулась.

— Полностью?

— Да.

— Время?

У неё забрали часы.

Мира посмотрела на настенные.

— Пятнадцать восемнадцать.

В сектор вошла медсестра с двумя электронными термометрами.

Один передала Мире, другой Александру.

— Тридцать шесть и семь, — сказала Мира.

На его экране было то же значение.

Медсестра записала результаты.

— Скажите точное время, — попросил Александр.

— Пятнадцать восемнадцать.

— Секунды?

Она посмотрела на телефон.

— Сорок две.

Александр открыл память термометра.

На внутреннем экране отображалось:

15:23:42

Он показал прибор.

— Внутренние часы не настроены, — сказала медсестра.

Она проверила термометр Мира.

Тот показывал:

15:23:48

— Они из одной партии, — сказала она.

— Принесите третий.

Медсестра замерла.

— Саша, — сказала Мира.

— Что?

— Ты её пугаешь.

Александр положил термометр на стол.

— Простите. Нужно исключить общую настройку.

— Я позову доктора.

Она вышла.

Мира смотрела на него через перегородку.

— Ты ожидал эти пять минут?

— Предполагал.

— Термометры не были на судне.

— Поэтому это важно.

— Они изменились рядом с нами.

— Или были неправильно настроены.

— Оба одинаково.

— Одна партия.

— Ты уже не веришь в это.

— Пока третий прибор не проверен, вера не нужна.

Доктор Лунд вошёл вместе с мужчиной в синей форме береговой службы. На груди был бейдж:

J. MADSEN

В руках Мадсен держал планшет.

— Йеспер Мадсен, управление порта. Мне нужно уточнить маршрут судна и причину потери оборудования.

— Сначала третий термометр, — сказал Александр.

Мадсен посмотрел на Лунда.

— Что происходит?

Доктор показал ему два прибора.

— Внутренние часы спешат на пять минут.

— Они не синхронизированы.

— Или синхронизированы не с вами, — сказала Мира.

Лунд попросил принести устройство в запечатанной упаковке.

Пока ждали, Мадсен включил планшет.

— Согласно журналу автоматической идентификации, «Фрейя» покинула порт в девять сорок две.

— В девять сорок, — сказал Нильс из дальнего сектора.

Он слышал разговор через общую связь.

— Сервер зарегистрировал девять сорок две, — повторил Мадсен. — В четырнадцать одиннадцать сигнал судна пропал. В четырнадцать шестнадцать появился в трёх с половиной километрах западнее расчётной позиции.

— Потеря синхронизации, — сказал Томас.

— АИС использует независимый передатчик.

— Отказ затронул несколько контуров.

— Затем в четырнадцать сорок восемь сигнал вошёл в гавань.

Александр поднял голову.

— Мы вошли в четырнадцать пятьдесят девять.

— По вашим часам.

— По спутниковому времени.

— Наш сервер тоже получает спутниковую коррекцию.

— Когда судно пришвартовалось? — спросил Нильс.

Мадсен увеличил журнал.

— В четырнадцать пятьдесят три.

— Я швартовал его около пятнадцати часов.

— Я видел вас с причала в четырнадцать пятьдесят.

Нильс медленно выпрямился.

Его лицо почти не изменилось, но голос стал тихим и опасным.

— Если по вашим данным «Фрейя» находилась у причала с четырнадцати пятидесяти трёх, то кто отдал команду на швартовку?

Мадсен нахмурился.

— Вы.

— В пятьдесят третьей минуте я ещё проходил волнорез.

— Система показывает другое.

— Я спрашиваю не о системе. Кто стоял у руля судна, которое вы видели у причала?

Мадсен посмотрел на экран.

— Вы стояли.

— Вы видели моё лицо?

— Через стекло рубки.

— Видели или решили, что это я?

Мадсен не ответил.

Нильс подошёл к прозрачной перегородке.

— На записи порта есть швартовка?

— Камеры направлены на причал.

— Покажите.

Мадсен открыл архив.

На экране появился технический причал.

В углу шло время:

14:52:41

У причала стояла «Фрейя».

Швартовы уже были заведены.

На палубе никого.

В рубке находилась фигура.

Из-за отражения на стекле лица не было видно.

— Перемотайте назад, — сказал Нильс.

Мадсен провёл пальцем.

14:48:03

Причал был пуст.

На следующем кадре «Фрейя» уже находилась у тумб.

Не подходила.

Не швартовалась.

Просто появилась.

Изображение между двумя секундами не содержало движения судна.

— Пропуск кадров, — сказал Мадсен.

Томас попросил показать временные метки.

Пропуска не было.

Последовательность шла непрерывно.

Пустой причал.

Следующая секунда.

Пришвартованная «Фрейя».

— Это не наше прибытие, — сказал Нильс.

— Судно то же.

— Моё судно в тот момент находилось в море.

— АИС показывает, что оно было здесь.

— Тогда сейчас у причала должно стоять два судна.

Все посмотрели в окно.

«Фрейя» была одна.

Медсестра принесла запечатанный термометр.

Лунд вскрыл упаковку при всех, установил батарейку.

Экран загорелся.

00:00

Через секунду цифры мигнули.

15:26

Настенные часы показывали 15:21.

Лунд нажал кнопку сброса.

Снова появилось:

00:00

Потом:

15:26

— В устройстве нет радиомодуля, — сказал Александр.

— Есть кварцевый генератор, — ответил Томас. — Но он

не может сам узнать текущее время.

— Вынесите его, — сказала Мира.

Медсестра взяла прибор.

На пороге цифры изменились.

15:21

Она внесла его обратно.

15:26

Мадсен медленно опустил планшет.

— Вы влияете на электронику?

— Не только на электронику, — сказал Александр.

— Тогда что происходит?

Александр посмотрел на чёрную точку.

— Приборы не ломаются. Они синхронизируются.

— С чем?

— С нашей фазой.

— Что это значит?

Александр подбирал слова, которые не звучали бы как попытка спрятать незнание за термином.

— После погружения часть экипажа прожила больше времени, чем судно. Эта разница не исчезла. На море она удерживалась внутри связанного контура: люди, аппаратура, корпус. После разрыва кабеля система стала искать другую опору.

Он поднял ладонь.

— Возможно, нашла её здесь.

— В вашем теле?

— Не в теле как в организме. В границе, которая проходит через него.

— И часы рядом с вами подчиняются этой границе?

— Они выбирают наиболее устойчивую доступную синхронизацию.

Мадсен покачал головой.

— Вы говорите так, будто носите с собой собственное время.

— Похоже на то.

— Локальный часовой пояс?

— Нет. Часовой пояс — соглашение. Здесь меняется порядок физических процессов, по которому устройства считают секунды.

Александр посмотрел на термометр.

— Моя фаза стала плотнее береговой. Прибор не ошибся. Он подчинился более близкому и устойчивому источнику.

— Вы стали локальным горизонтом событий? — спросил Томас.

— Нет. Горизонт не выпускает информацию. Здесь информация проходит в обе стороны.

— Тогда что?

— Фазовый домен.

— Насколько большой?

Александр посмотрел на стены.

— Проверим — станет больше.

Мира первой поняла.

— Не продолжайте измерения.

— Почему? — спросил Мадсен.

— Потому что система реагирует на сам факт построения контура. Каждый прибор, который мы помещаем рядом, становится частью сравнения.

— Нам нужно определить радиус.

— Само определение радиуса создаст границу, которой до измерения могло не быть.

Мадсен посмотрел на неё.

— Это только гипотеза.

— На судне мы уже проверяли подобные гипотезы. После каждой проверки аномалия получала новый физический контур.

Лунд забрал термометр.

— Пока прекращаем.

— Мне нужно уведомить руководство, — сказал Мадсен.

— О чём именно? — спросил Нильс. — О судне, которое ваш порт принял раньше, чем оно пришло?

— О потенциально опасном происшествии.

— Участок уже закрыт?

Мадсен не ответил.

Александр заметил это.

— Когда вы закрыли район?

— В четырнадцать двадцать.

— На каком основании?

— По автоматическому предупреждению.

— От кого?

Мадсен посмотрел на планшет.

— От «Фрейи».

Нильс подошёл ближе.

— Я не отправлял предупреждений.

— Сообщение подписано судовым ключом.

Томас покачал головой.

— Передатчик тогда не работал.

— Сервер принял пакет напрямую через портовый канал.

— Покажите.

Мадсен открыл журнал.

На экране появился текст:

НЕ ПРИБЛИЖАТЬСЯ К УЧАСТКУ R-17.

НЕ ПОДНИМАТЬ ОБЪЕКТ.

НЕ ПОДКЛЮЧАТЬ ЗАПИСИ К СЕТИ.

ИЗОЛИРОВАТЬ СУДНО ДО 04:17.

Отправитель:

FREJA

В комнате стало тихо.

— Когда принято сообщение? — спросила Мира.

— Сегодня в пять сорок три.

— Утром?

— Да.

Мадсен не смотрел на них.

Его лицо медленно теряло цвет.

— Я видел его, — сказал он.

— Когда? — спросил Александр.

— Пришёл раньше обычной смены. Сервер вынес пакет в список ошибок, потому что время формирования не совпало с текущим. Я открыл его около шести.

— И что сделали?

Мадсен потёр губы.

— Проверил подпись.

— Она была действительна?

— Да.

— И?

— Судно стояло у причала. Экипаж ещё не поднялся. Я решил, что система повторно обработала старый тестовый пакет.

— Почему не сообщили Нильсу?

— В журнале ежедневно появляются повреждённые сообщения. Ошибки времени, дубликаты, незакрытые сессии.

— Но там были координаты участка.

— Участок R-17 числился в разрешении экспедиции.

— И прямой запрет приближаться.

— Автоматический текст без указанного оператора.

Мадсен посмотрел на Нильса.

— Я решил, что кто-то проверял аварийный шаблон.

— Вы проигнорировали сообщение, подписанное ключом моего судна, — сказал капитан.

— У меня не было оснований задерживать выход.

— Теперь есть?

Мадсен отвёл взгляд к окну.

На его лице впервые исчезла чиновничья осторожность.

Остался человек, который понял, что утром прочёл предупреждение о событии, ещё не произошедшем, и удалил его из списка как технический мусор.

— Сообщение пришло до нашего выхода, — сказал Томас.

— Или после нашего возвращения, — ответил Александр.
— Но попало в утренний журнал.

— От второй «Фрейи»?

— Возможно.

Мира смотрела на последнюю строку.

— Четыре семнадцать.

— Что означает это время? — спросил Мадсен.

Она медленно села.

— В четыре семнадцать я написала Александру.

— Сегодня?

— Да.

— О находке?

— Я попросила его приехать.

Александр вспомнил сообщение на пароме.

Обследуем объект западнее Рёйне.

И ответ Миры:

Остров здесь давно.

— Почему именно в четыре семнадцать? — спросил Томас.

— Я проснулась, — сказала она. — Увидела материалы ночного прохода и написала.

— Ты уверена?

Мира подняла на него глаза.

— В чём?

— Что проснулась сама.

Никто не продолжил.

Под прозрачной повязкой ладонь Александра похолодела.

Не поверхность кожи.

Глубже.

Будто внутри руки открылось пространство, из которого уходило тепло.

Один из термометров на столе погас.

Второй перескочил на:

04:17

Третий продолжил показывать береговое время.

— Уберите приборы, — сказала Мира.

Никто не двинулся.

На погасшем экране появилась белая цифра.

0

Рядом возникло двоеточие.

0:

Затем ещё две цифры.

0:00

Чёрная точка расширилась.

На толщину волоса.

Но Александр увидел движение края.

— Все из сектора, — сказал Лунд.

— Не двигайтесь, — ответил Александр.

Доктор замер у двери.

— Почему?

— Не формируйте направление выхода.

Мадсен посмотрел на него как на безумца.

— Мы не на судне.

— Контур уже не привязан к судну.

— К чему он привязан?

Александр поднял ладонь.

— Ко мне.

Свет не погас.

Он изменил частоту.

Люминесцентные лампы продолжали гореть, но белый цвет стал зеленоватым. Тени раздвоились. Прозрачные перегородки на мгновение потеряли отражения.

Давление в помещении резко упало.

Барабанные перепонки Александра хрустнули, словно лифт провалился на несколько десятков этажей. Мира схватилась за край стола. Томас зажал нос и попытался выровнять давление.

Воздух изменился.

Запах дезинфицирующего раствора исчез.

Вместо него пришли ржавчина, застоявшаяся морская вода и мокрая изоляция электрических кабелей.

Температура упала.

На металлических ножках стола выступил иней. Дыхание Миры стало видимым. Пластиковая перегородка под её ладонью побелела от холода.

Коридор за прозрачной стеной исчез.

Там находилась рубка «Фрейи».

Не изображение на плоской поверхности.

Объём.

За перегородкой продолжалось другое помещение, соединённое с изолятором под невозможным углом.

Ржавая переборка уходила вниз, хотя пол оставался горизонтальным. Пульт был покрыт коррозией. Стёкла помутнели. С потолка свисали кабели, по которым стекала чёрная вода.

В рубке стояли семь человек.

Одна фигура у окна.

Остальные вокруг пульта.

Они не двигались.

На долю секунды Александр почувствовал, что смотрит не через стену, а вдоль собственной вытянутой ладони. Расстояние между двумя помещениями не исчезло.

Оно было повернуто.

Топология позволяла им занимать соседние поверхности одного пространства, хотя в гавани между зданиями и судом оставались десятки метров.

Свет снова стал белым.

Давление вернулось ударом.

У Александра заложило уши. Где-то лопнула пластиковая упаковка. Иней на столе превратился в воду.

Коридор снова был на месте.

Мадсен стоял, прижавшись спиной к стене.

— Это видели все? — спросил Томас.

Никто не ответил.

Лунд посмотрел на датчик температуры.

— Падение на восемь градусов за ноль целых четыре секунды.

— Датчик мог синхронизироваться с другой средой, — сказал Александр.

— На столе настоящий конденсат.

— Значит, обмен энергией был физическим.

Мадсен медленно опустился на стул.

— Там было судно.

— Его состояние, — поправил Александр.

— Я видел людей.

— Визуальная информация тоже физический сигнал.

— Я видел вас.

Александр посмотрел на ладонь.

Чёрная точка больше не была полностью непрозрачной.

Внутри неё появилось слабое серое свечение.

Не отражённое от поверхности.

Приходившее из глубины.

Он поднял руку к лицу.

В двухмиллиметровом круге была видна рубка.

Крошечная, но без оптического уменьшения. Она не помещалась внутри точки. Точка лишь открывала угол обзора.

Там стоял другой Александр.

Старше.

Лицо осунулось. Волосы стали длиннее. На левой щеке тянулся шрам от виска к углу рта.

Настоящая кожа Александра на том же месте мгновенно зачесалась.

Не поверхностно.

Фантомный зуд возник под эпидермисом, будто нервные окончания получили сигнал от повреждения, которого ещё не существовало. Он провёл пальцами по щеке.

Кожа была целой.

Другой Александр поднял ладонь.

В её центре находилось светлое окно.

Он тоже смотрел сквозь него.

Два наблюдателя по обе стороны одной границы.

Челюсть Александра свело.

Резкая вибрация прошла от чёрной точки по костям запястья. Отдала в лучевую кость, поднялась к локтю, плечевому суставу и ключице.

Зубы заныли.

Во внутреннем ухе возник низкий механический гул.

Звук не проходил через воздух. Люди вокруг его не слышали. Чёрная точка работала как контактный излучатель, передавая микровибрацию непосредственно через скелет.

В гуле проступили частоты человеческой речи.

Не телепатия.

Не голос внутри сознания.

Механическая волна, воспроизводившая колебания чу-

жих голосовых связок.

Слова собирались плохо, с металлическим треском между слогами:

— Не... входите... в ноль.

Александр согнулся.

Корни зубов пронзила боль.

Мира шагнула к перегородке.

— Саша!

Другой Александр резко повернул голову, словно услышал её голос через собственное окно.

Позади него один из семи человек упал на пульт.

Свет в старой рубке погас.

Вибрация прекратилась.

Чёрная точка снова стала непрозрачной.

— Что произошло? — спросила Мира.

Александр выпрямился.

Челюсть продолжала болеть.

— Передача через костную проводимость.

— Что передали?

Он посмотрел на экран часов.

— Предупреждение.

На дисплее вместо нуля появилось:

04:17

Под ним возникла новая строка:

ОСТАЛОСЬ 12:56:41

Секунды пошли вниз.

12:56:40.

12:56:39.

Мадсен смотрел на цифры.

— Обратный отсчёт.

— Нет, — сказал Александр.

— Тогда что?

Александр вспомнил семь линий.

Шесть ударов.

Пять минут разницы.

Четыре берега.

Три минуты фазового сдвига.

Два судна.

Одну чёрную точку.

И ноль, о котором предупреждал другой он.

— Время до совпадения.

— Совпадения чего?

— Двух фаз.

— Нашей и той «Фрейи»?

— Возможно.

— Что произойдёт при совпадении?

Александр посмотрел на прозрачную перегородку.

На воду, стекавшую с неё после мгновенного холода.

— Между состояниями исчезнет различие.

— Это значит, второе судно появится здесь?

— Нет.

Он вспомнил ржавую рубку, соединённую с коридором

изолятора без расстояния между ними.

— Это значит, нельзя будет определить, какое судно было первым.

За окном загорелись палубные огни «Фрейи».

Специалисты береговой службы остановились.

Никто не находился в рубке.

Внутри включился свет.

За стеклом появилась человеческая фигура.

Она положила ладонь на окно.

Александр увидел лицо.

Своё.

Только старше.

Со шрамом на левой щеке.

Настоящая кожа снова зачесалась в том же месте.

Фигура подняла вторую руку.

Показала четыре пальца.

Потом три.

Два.

Один.

На экране часов обратный отсчёт продолжался нормально.

Но человек в рубке уже закончил считать.

Он сжал руку в кулак.

И постучал по стеклу.

Один раз.

Пауза.

Второй.

Звук не должен был дойти до административного здания.

Между судном и изолятором было шестьдесят метров открытой гавани.

Но стекло перед Александром отозвалось тихим, отчётливым щелчком.

Не эхом.

Ударом с обратной стороны.

Мира отступила от перегородки.

Топология сомкнулась.

Расстояние между рубкой и изолятором перестало участвовать в передаче.

Все ждали третьего удара.

Его не последовало.

На поверхности стекла, напротив ладони фигуры, медленно проступил круглый след инея.

Человек на «Фрейе» убрал руку.

Иней остался.

Обратный отсчёт продолжался.

12:56:12

12:56:11

12:56:10

Александр смотрел на собственное лицо за окном судна.

Теперь он понимал хотя бы одно.

Вторая «Фрейя» не пыталась войти в их мир.

Она уже находилась в нём.

Разница заключалась только во времени.
И эта разница сокращалась.

Глава 6

Часы, которые нельзя сверять

Обратный отсчёт продолжался.

12:56:09

12:56:08

12:56:07

Цифры менялись беззвучно.

На стене изолятора висели обычные часы с красной секундной стрелкой. Она двигалась рывками, каждый раз чуть вздрагивая перед следующим делением. Часы показывали пятнадцать двадцать две.

Термометр на столе — пятнадцать двадцать семь.

Планшет Мадсена — пятнадцать двадцать две.

Экран с обратным отсчётом не показывал текущего времени вообще.

Три прибора.

Три разных назначения.

Один и тот же воздух между ними.

Александр смотрел не на цифры, а на промежутки между их изменениями.

— Секундомер, — сказал он.

Никто не двинулся.

После того как на стекле появилась ржавая рубка другой «Фрейи», люди старались не касаться предметов без необходимости. Даже доктор Лунд держал руки немного отведёнными от тела, словно боялся случайно замкнуть невидимую электрическую цепь.

— Механический, — уточнил Александр. — Не электронный.

— У меня есть, — сказал Нильс из дальнего сектора.

Он достал из кармана старые часы на металлической цепочке.

Александр видел их впервые.

— Откуда они?

— От отца.

— Они идут?

— Иногда.

— Сейчас?

Нильс нажал на крышку.

Внутри был маленький белый циферблат. Секундная стрелка двигалась плавнее настенной.

— Да.

— Запусти отсчёт на десять секунд. Томас считает по настенным часам. Лунд — по термометру. Никто не произносит числа вслух.

— Зачем? — спросил Мадсен.

— Чтобы не дать людям самим подогнать результат.

— Вы думаете, мы можем изменить показания ожидани-

ем?

— Я думаю, мы уже не имеем права исключать влияние наблюдателя.

Мадсен хотел возразить, но Лунд поднял руку.

— Делаем.

Нильс положил часы на ладонь.

Томас встал под настенным циферблатом.

Лунд повернул термометр к себе.

Александр следил за обратным отсчётом.

12:55:48

Нильс кивнул.

Каждый начал считать про себя.

Помещение погрузилось в тишину.

За окном люди в защитных костюмах продолжали работать на палубе «Фрейи». Один специалист опустился на колено возле барабана лебёдки. Другой фотографировал пустую раму, на которой ещё несколько часов назад стояла «Манта».

Они двигались осторожно, но не медленно.

Нормальная скорость.

Нормальная последовательность действий.

Александр успел увидеть, как человек у лебёдки поднял руку, позвал напарника и указал на что-то под креплением.

Нильс закрыл часы.

Томас сказал:

— Готово.

Лунд посмотрел на термометр.

— Готово.

— Результаты, — произнёс Александр.

— Десять секунд, — сказал Томас.

— Десять, — ответил Лунд.

Нильс покачал головой.

— Пятнадцать.

Мадсен нахмурился.

— Ваши часы неисправны.

— Утром они совпадали с судовыми.

— «Иногда идут» — ваши слова.

Нильс снова открыл крышку.

— Они не ускорились.

— Откуда вы знаете?

Капитан поднял глаза.

— Я слышу механизм.

Внутри часов тихо работал баланс.

Ровный металлический пульс.

Александр подошёл к прозрачной перегородке, отделявшей его от Нильса.

— Положи их на пол.

— Зачем?

— Положи.

Нильс опустил часы на линолеум.

Секундная стрелка продолжила движение.

— Теперь отойди к дальней стене.

Капитан сделал три шага.

Стрелка замедлилась.

Не остановилась.

Каждый её ход растянулся, стал заметен глазу. Механизм словно вяз в густой жидкости.

Нильс вернулся ближе.

Стрелка ускорилась.

— Не расстояние, — сказал Томас. — Она реагирует на человека.

— Или на предметы, которые были вместе с ним на судне, — ответил Александр.

— Часы не были с нами в камере.

— Но были на «Фрейе», когда контуры синхронизировались.

Мира стояла по другую сторону перегородки, скрестив руки на груди.

— Значит, всё, что находилось на судне, сохраняет собственную временную фазу?

— Не обязательно всё.

— Как определить?

Александр посмотрел на палубу.

Специалист у лебёдки поднял найденный предмет.

Небольшой металлический болт.

Он показал его напарнику, затем положил в прозрачный контейнер.

— Никак, — сказал Александр. — Пока мы не начнём

сравнивать.

— А сравнение создаёт связь, — закончила Мира.

— Возможно.

— Снова это слово.

— Другого пока нет.

Мира опустила взгляд.

Фраза принадлежала им обоим.

Она произнесла её на «Фрейе».

Другой Александр повторил её из состояния, отделённого от них годом или ошибкой времени.

Теперь обычные слова тоже казались частью механизма.

— Больше ничего не сравниваем, — сказал Лунд. — До прибытия специалистов из Копенгагена.

— Когда они будут? — спросила Мира.

— Вертолёт готовят.

— Сколько времени?

— Около полутора часов.

Александр посмотрел на обратный отсчёт.

12:54:31

— Они не успеют разобраться за оставшееся время.

— У нас почти тринадцать часов.

— Мы не знаем, что ускоряет процесс.

— И что его замедляет, — добавил Томас.

Мадсен заблокировал планшет.

— Поэтому сейчас вводится стандартный режим изоляции. Здание отключат от внешних сетей. Связь — только

по автономному радиоканалу. Электропитание переведут на резервный генератор. Все приборы, контактировавшие с вами, будут обесточены и упакованы.

— Нет, — сказал Александр.

Мадсен повернулся к нему.

— Это не обсуждается.

— Отключение систем может ускорить синхронизацию.

— На основании чего?

— Когда мы заглушили двигатель «Фрейи», геометрия начала распадаться. Двигатель, генераторы и электрическая сеть создавали собственный набор колебаний. Они мешали контуру войти в единый режим.

— Вы утверждаете, что дизельный двигатель защищал вас от пространственной аномалии?

— Я утверждаю, что устойчивая несогласованность систем может быть единственным, что удерживает состояния отдельно.

— Это не научное заключение.

— Это наблюдение.

— Судно было в открытом море. Здесь медицинский изолятор.

— Контур уже здесь.

Александр поднял ладонь.

Чёрная точка оставалась неподвижной.

— Вы сами видели другую рубку за этой стеной.

Мадсен посмотрел на прозрачную перегородку.

На ней всё ещё блестели капли конденсата.

— Именно поэтому здание нужно отключить.

— Вы хотите лишить помещение внешних сигналов, питания и движения воздуха. Сделать его замкнутым, однородным и стабильным.

— Так работает изоляция.

— Так работает синхронизация.

Мадсен сжал планшет.

— Я не могу оставить потенциально заражённый объект подключённым к портовой сети, потому что вы сравнили его с генераторами на судне.

— Тогда не подключайте к сети. Но не выключайте всё.

— Что вы предлагаете?

Александр осмотрел помещение.

Вентиляция ровно гудела под потолком. Компрессор медицинского холодильника включался каждые несколько минут. Люминесцентные лампы слегка мерцали. За стеной работал насос отопления. Каждый механизм жил в собственном ритме.

— Два независимых генератора, — сказал он. — С разной частотой вращения. Механические регуляторы, не связанные общей автоматикой. Отдельный контур вентиляции. Никакой централизованной синхронизации времени. Убрать все устройства, которые получают единый эталонный сигнал.

Мадсен посмотрел на него так, словно Александр предло-

жил разрегулировать реактор.

— Вы хотите намеренно создать нестабильную электро-
сеть.

— Я хочу создать несколько несовпадающих физических
ритмов.

— И чем это поможет?

— Если аномалия действует как система связанных ос-
цилляторов, ей требуется фазовый эталон. Не давайте его.

— Осцилляторов? — переспросил Нильс.

— Любых повторяющихся процессов. Часы. Двигатели.
Дыхание. Сердцебиение. Колебания корпуса. Плита под во-
дой двигалась каждые шесть и восемь десятых секунды. По-
том тот же период появился в кабеле и моей руке.

Александр посмотрел на Лунда.

— Проверьте запись медицинского датчика.

Доктор открыл данные.

На экране появились два графика: пульс и редкие импуль-
сы неизвестного происхождения.

Период сохранялся.

Шесть целых восемь десятых секунды.

— Он не изменился, — сказал Лунд.

— Значит, контур ещё активен.

— Или датчик записал помеху.

— Снимите датчик.

Доктор отсоединил провод от руки Александра.

График продолжил строиться.

Лунд замер.

— Буфер памяти, — сказал Томас.

Доктор отключил устройство полностью.

Экран погас.

Через три секунды включился сам.

На нём осталась только одна линия.

Периодические импульсы.

Раз.

Пауза.

Раз.

Пауза.

— Батарея извлечена? — спросил Александр.

Лунд перевернул прибор.

Отсек был пуст.

Мадсен шагнул к двери.

— Отключаем здание.

— Не делайте этого, — сказала Мира.

До этого она говорила спокойно.

Теперь в её голосе появилось то, что заставило Мадсена остановиться.

Не страх.

Приказ.

— Вы видели, что произошло на судне, когда исчез один из независимых контуров, — продолжила она. — Если Александр прав хотя бы частично, стандартная изоляция создаст идеальные условия для совпадения.

— А если он неправ?

— Тогда несколько работающих генераторов причинят меньше вреда, чем ещё одна рубка, появившаяся внутри стены.

Мадсен посмотрел на Лунда.

— Доктор?

Лунд не ответил сразу.

Он держал в руках обесточенный медицинский прибор, который продолжал показывать сигнал.

— Не выключайте вентиляцию, — сказал он. — Остальное согласуем с технической группой.

— У меня распоряжение управления порта.

— А у меня люди в медицинской изоляции. Пока они находятся здесь, режим определяю я.

Мадсен побледнел.

— Вы берёте ответственность?

— Нет, — ответил Лунд. — Я признаю, что ответственности уже недостаточно.

Через двадцать минут помещение изменилось.

Не внешне.

На столе по-прежнему лежали термометры. У стены стояли складные кровати. За прозрачными перегородками находились люди, слишком уставшие, чтобы продолжать бояться непрерывно.

Но теперь в здании не было единого времени.

Настенные часы сняли.

Телефоны выключили и вынесли.

Сетевые кабели отсоединили.

Мадсен принёс два переносных генератора. Один поставили во дворе, второй — в соседнем складском помещении. Их регуляторы намеренно настроили на немного разные частоты.

Один питал вентиляцию и освещение.

Другой — медицинское оборудование и отопление.

Лампы мерцали едва заметно.

Компрессор вентиляции временами попадал в резонанс с дизелем во дворе, и тогда в стенах возникал низкий гул. Через несколько секунд ритмы расходились, звук исчезал.

Томас слушал его почти с облегчением.

— Раньше я бы вызвал электрика, — сказал он.

— Теперь радуешься неисправности? — спросила Мира.

— Радуюсь, что она не повторяется.

Эмма лежала на койке, укрывшись двумя одеялами. Температура у неё оставалась нормальной, но она не могла согреться. Белая полоска на пальце исчезла, чувствительность вернулась.

Йонас сидел рядом с Ларсом.

Они не говорили.

Нильс расхаживал по своему сектору, делая ровно девять шагов от стены до стены. На десятом приходилось развора-

чиваться.

Александр заметил, что капитан каждый раз поворачивает в другую сторону.

Влево.

Потом вправо.

Нильс тоже не хотел повторяющегося ритма.

Обратный отсчёт продолжал идти.

12:31:18

За прошедшие двадцать пять минут он уменьшился ровно на двадцать пять минут.

Не ускорился.

Не замедлился.

Это успокаивало сильнее, чем должно было.

Александр сидел на кровати, положив руки на колени.

Мира находилась за прозрачной стеной.

Несколько минут они молчали.

— Ты опять считаешь, — сказала она.

— Что?

— Шаги Нильса. Включения компрессора. Вдохи.

— Я не считаю вдохи.

— На каждом седьмом задерживаешь дыхание.

Александр посмотрел на неё.

— Случайно.

— Конечно.

Он сделал следующий вдох намеренно короче.

Мира улыбнулась.

Слабо.

Почти прежней улыбкой.

— Я не помню, когда ты в последний раз спал, — сказала она.

— На пароме.

— Ты не спал. Смотрел в окно.

— Откуда ты знаешь?

— Видела тебя на палубе.

— Ты сказала, что проверяла другой выход.

— Солгала.

— Зачем?

— Не хотела, чтобы ты понял, что я ждала.

Александр провёл большим пальцем по краю матраса.

Ткань была грубой, больничной. Под ней чувствовался металлический каркас.

— Я бы всё равно приехал.

— Я не была уверена.

— Поэтому написала в четыре семнадцать?

Мира посмотрела на погасший телефон, лежавший в пакете за пределами сектора.

— Я проснулась от звука.

— Какого?

— Будто кто-то провёл ногтем по стеклу.

Она говорила тихо, чтобы не слышали остальные.

— Сначала решила, что ветка. Но окно было закрыто ставнями. Потом увидела на столе планшет. Он был включён.

— Ты оставляла его включённым?

— Нет.

— Что было на экране?

— Фотография плиты.

— Та, которую сняла «Манта»?

— Да.

— В центре спирали уже была насечка?

Мира помолчала.

— Была цифра.

Александр перестал двигать рукой.

— Какая?

— Семь.

— Почему ты не сказала раньше?

— Потому что утром её не было. Я решила, что увидела часть рисунка спросонья.

— Ты сохранила снимок?

— Сделала скриншот.

— Где он?

— На планшете, который остался в лаборатории на острове.

— Он подключён к сети?

— Был.

Александр поднялся.

— Томас.

Тот обернулся от генератора.

— Что?

— Нужен журнал сетевых подключений института. Планшет Миры в четыре семнадцать утра.

Мира встала со своей стороны.

— Мы договорились не подключать новые системы.

— Мы не будем подключать. Мадсен может запросить журнал снаружи.

— Сам запрос создаст связь с устройством.

— Связь уже была. Через него пришло первое изображение.

— Или сон, — сказала Мира.

— Ты не веришь, что это был сон.

Она ничего не ответила.

Мадсен стоял у двери и слышал разговор.

— Что именно нужно проверить?

Александр объяснил.

— Я могу позвонить в университет, — сказал Мадсен. — Обычным телефоном.

— Не произносите название участка и время.

— Почему?

— Потому что мы не знаем, что является адресом для анонимии: координаты, изображение, последовательность чисел или внимание к ним.

— Вы хотите, чтобы я запросил сетевой журнал, не называя устройство и время?

— Назовите серийный номер планшета. Попросите выгрузить все обращения за ночь на бумагу и передать голосом

только количество событий.

Мадсен посмотрел на Миру.

Она назвала номер по памяти.

— Ты помнишь серийный номер? — спросил Томас.

— Заполняла таможенную декларацию.

— Я не помню свой телефон.

— Поэтому ты теряешь оборудование.

Между ними впервые возникло что-то похожее на обычный разговор.

Томас даже усмехнулся.

Мадсен вышел.

Через стекло было видно, как он остановился в коридоре, достал стационарную трубку и набрал номер. Говорил долго. Дважды записывал что-то на бумаге. Потом попросил повторить.

Вернулся он уже без планшета.

— За ночь планшет зарегистрировал одно входящее соединение.

— Время? — спросил Александр.

— Мне сказали не называть.

— Правильно. Источник?

Мадсен посмотрел на бумагу.

— Локальная сеть института его не знает. Подключение было прямым, без внешнего адреса.

— Bluetooth? — спросил Томас.

— Выключен.

— Мобильная сеть?

— Планшет без сим-карты.

— Содержимое пакета?

— Изображение размером двенадцать мегабайт. После открытия файл удалился.

Мира медленно села.

— Скриншот?

— Остался.

— Попросите никому его не открывать.

— Уже поздно.

В помещении словно стало холоднее.

— Кто открыл? — спросил Александр.

— Сотрудник лаборатории. Пока искал нужное устройство.

— Когда?

Мадсен посмотрел на бумагу.

— Несколько минут назад.

Обратный отсчёт мигнул.

12:24:03

Цифры исчезли.

На две секунды экран стал чёрным.

Потом появилось:

11:17:43

Никто не произнёс ни слова.

Исчезло больше часа.

Мира медленно поднялась.

— Это из-за изображения.

— Не обязательно, — сказал Александр.

— Разница изменилась сразу после открытия файла.

— Мы не знаем точный момент.

— Мадсен?

Тот посмотрел на бумагу.

— Сотрудник открыл файл примерно в пятнадцать тридцать девять.

— Который сейчас час? — спросил Томас.

В помещении не было часов.

Мадсен вышел в коридор, посмотрел на дисплей стационарного телефона.

— Пятнадцать сорок.

Почти одновременно.

— Закрывать файл, — сказал Александр. — Выключить планшет физически. Извлечь батарею, если возможно. Никому не смотреть на изображение.

Мадсен побежал к телефону.

— Ты всё ещё считаешь это совпадением? — спросила Мира.

— Нет.

Это был первый раз, когда ответ пришёл без сопротивления.

— Наблюдение сокращает разницу, — продолжил Александр. — Не время само по себе. Каждая новая система, которая воспроизводит состояние объекта, создаёт дополни-

тельную связь между фазами.

— Изображение — тоже контур, — сказал Томас.

— Не само изображение. Физическое устройство, которое восстанавливает распределение света, записанное возле объекта. Матрица экрана становится граничным условием.

— Тогда все наши записи опасны.

— Да.

— Камеры на «Фрейе». Архив порта. Скриншот Миры. Видео с погружения.

— Всё, что воспроизводит не просто форму, а измеренное состояние аномалии.

Лунд подошёл к окну.

На причале стояла одна «Фрейя».

— Записи с камер порта тоже показывали судно до его прихода.

— Потому что система уже использовала портовую сеть, — сказал Александр.

— Насколько далеко это распространилось?

— Пока сеть не воспроизводит материалы, она может оставаться только носителем данных.

— А если автоматическое резервное копирование уже сработало?

Томас закрыл глаза.

— Университетский сервер.

— Облачное хранилище, — сказала Мира.

— Портовый архив.

— Судовая база.

— Личные устройства, — добавил Нильс.

Несколько секунд они перечисляли не файлы.

Пути распространения.

Не инфекцию.

Не программу.

Физические копии одного измерения, каждая из которых могла стать новой границей между состояниями.

— Интернет нужно отключить, — сказал Мадсен, вернувшись.

— Нет, — ответил Александр.

— Вы только что сказали, что данные опасны.

— Передача данных не равна их воспроизведению. Если мы начнём отключать сети без разбора, автоматические системы будут перезапускаться, восстанавливать копии, сверять контрольные суммы и открывать файлы для проверки.

— Тогда что делать?

— Найти все копии и пометить их как недоступные без просмотра содержимого.

Мадсен рассмеялся.

Звук получился коротким и сухим.

— Вы предлагаете найти изображение в сетях университета, порта и судна, не открывая его?

— По размеру, времени создания, хешу, имени контейнера.

— Хеш нужно вычислить.

— Он уже мог быть записан при загрузке.

Томас подошёл к перегородке.

— Судовая система автоматически создала контрольные суммы всех файлов перед копированием.

— Ты помнишь значение?

— Нет.

— Оно осталось в журнале?

— На отключённом накопителе.

Нильс посмотрел на него.

Тот самый накопитель лежал в металлическом контейнере на «Фрейе».

Запись, после удаления которой восстановилась спутниковая связь.

— Не подключать, — сказал капитан.

— Без хеша мы не найдём копии, — ответил Томас.

— Подключение уже один раз изменило поведение системы.

— Тогда прочитав журнал механически невозможно.

— Есть распечатка? — спросила Мира.

— Нет.

— Имя файла?

Томас задумался.

— Камера присвоила стандартное. Дата, время и номер погружения.

— Время какой системы?

— Камеры.

— Три минуты судебного времени, — сказал Александр.

— Не восемь наших.

— Значит, имя не совпадает с фактической длительностью записи.

— Это можно использовать для поиска.

Мадсен снова взял трубку.

Александр посмотрел на обратный отсчёт.

11:12:51

Теперь каждая секунда снова соответствовала обычной.

Но доверять этому было нельзя.

— Почему будущее предупреждает нас? — спросила Эмма.

До этого она молчала.

Все посмотрели на неё.

— Другой Александр сказал не входить в ноль, — продолжила она. — Утреннее сообщение приказало не поднимать объект и не подключать записи к сети. Значит, они уже знают, что произойдёт.

— Возможно, — сказал Александр.

— Тогда почему не объяснят нормально?

— Канал нестабилен.

— Сообщение было нормальным.

— Текст мог пройти через цифровую систему без искажения.

— Тогда пусть отправят ещё одно.

— Отправитель может уже не существовать в состоянии,

из которого пришло сообщение.

Эмма прижала одеяло к груди.

— Ты видел себя живым.

— Я видел изображение.

— Старого себя.

— Да.

— Значит, ты выжил.

Александр посмотрел на неё.

— Или выжил тот вариант, который сейчас пытается не дать нам повторить его путь.

— Это всё равно ты.

— Уже нет.

Мира опустила глаза.

Александр услышал собственные слова слишком поздно.

Четыре года назад он тоже говорил так.

Человек, который не пришёл на заседание, уже не тот, кому Мира звонила утром. Решение принято. Момент прошёл. Исправлять нечего.

Удобная логика.

Позволявшая оставить другому себе любую вину.

— Он — это ты, — сказала Мира. — Не полностью. Не сейчас. Но достаточно, чтобы попытаться нас спасти.

— Мы не знаем, спасает ли он нас.

— Предупреждение было правильным. Объект нельзя было поднимать.

— Мы подняли аппарат, не объект.

— И этого хватило.

Александр посмотрел на чёрную точку.

— Возможно, предупреждение и привело нас к тому, что произошло.

— Каким образом?

— Если бы ты не увидела семёрку и не вызвала меня, экспедицию могли отменить. Или провёл бы другой человек. Или плиту подняли бы без погружения. Сообщение стало частью причинной цепи.

— Ты хочешь сказать, что они создали собственное прошлое?

— Я хочу сказать, что причина и следствие здесь могут замыкаться.

— Тогда первого предупреждения никогда не было.

— Или оно всегда было.

Эмма закрыла лицо руками.

— Можете разговаривать проще?

Мира подошла к перегородке.

— Мы пока не знаем, откуда началась цепь. Но знаем, что каждая открытая запись приближает совпадение.

— И что будет в ноль?

Александр посмотрел на неё.

— Вторая «Фрейя» перестанет быть второй.

— А мы?

Он не ответил.

К вечеру дождь усилился.

Капли шли по стеклу длинными прозрачными дорожками. За ними расплывались портовые фонари, белые защитные костюмы и тёмный корпус «Фрейи».

Судно отключили от берегового питания, но не обесточили. Аварийный генератор продолжал работать. Нильс настоял, чтобы обороты меняли вручную каждые несколько минут.

Никакого ритма.

Никакой программы.

Научная группа из Копенгагена ещё не прибыла. Вертолёт задержала погода.

Вместо неё приехали люди из датского агентства безопасности. Они оставались в отдельном здании и пока общались только с Мадсеном.

Никто из них не видел ржавую рубку.

Поэтому их распоряжения звучали разумно.

Перекрыть причал.

Эвакуировать соседние склады.

Заблокировать радиочастоты.

Остановить судовой генератор.

Последний приказ Нильс выполнять отказался.

Обратный отсчёт показывал:

10:03:17

За несколько часов нашли девять копий материалов.

Четыре — на сервере института.

Две — в портовом архиве.

Одну — на ноутбуке Томаса.

Одну — на резервном накопителе «Фрейи».

Ещё одну — в почтовом черновике Миры.

Она не помнила, чтобы прикрепляла файл к письму.

Все копии удалось заблокировать по метаданным, не открывая.

После этого отсчёт не прыгал.

Чёрная точка на ладони Александра не росла.

Это было почти хорошей новостью.

Лунд принёс еду в одноразовых контейнерах.

Суп, хлеб, яблоки и маленькие упаковки масла.

— Горячее нельзя, — сказал он. — Контейнеры прошли через шлюз.

Нильс понюхал суп.

— Это и холодным нельзя.

— Другого нет.

Они ели каждый в своём секторе.

Ложки были пластиковыми. Суп пах сельдереем и перцем. Александр не чувствовал вкуса, пока не откусил хлеб.

Хлеб оказался свежим.

С хрустящей коркой.

На секунду он вернулся в утренний Рённе: мокрая улица, пекарня, женщина с деревянной доской меню. Город, в котором можно было прожить несколько спокойных дней.

Мира тоже взяла хлеб.

— Помнишь кафе в Пирее? — спросила она.

— Где ты отравилась осьминогом?

— Я не отравилась. Ты убедил официанта, что щупальца хранили неправильно.

— Они пахли аммиаком.

— Они пахли морем.

— Море не должно пахнуть бытовой химией.

— После твоей лекции владелец выбросил всю партию.

— Возможно, я спас людей.

— Возможно, оставил ресторан без ужина.

Она отломилла маленький кусок корки.

— Потом мы ели хлеб с маслом в гостинице.

— И ты сказала, что это лучший ужин за месяц.

— Потому что ты впервые за неделю перестал говорить о работе.

— Я говорил о неправильном хранении морепродуктов.

— Для тебя это отдых.

Александр улыбнулся.

Настоящей улыбкой.

Мира заметила.

На несколько секунд между ними не было ни изолятора, ни обратного отсчёта.

Только хлеб, холодный суп и воспоминание о дешёвой гостинице, где кондиционер шумел всю ночь, а море было видно из окна лишь в промежутке между двумя домами.

— Я не хочу, чтобы тот человек за стеклом стал единственной версией тебя, которая научилась предупреждать,
— сказала Мира.

Улыбка исчезла.

— Он, возможно, прожил год в условиях, которых мы не понимаем.

— Я не о знаниях.

— Тогда о чём?

— Ты сказал, что страх нельзя измерить. Но всё равно признался мне.

— После того как ты заставила.

— Значит, метод работает.

— Насилие над испытуемым?

— Мягкое давление.

Александр посмотрел на её пальцы.

Она держала хлеб осторожно, чтобы не касаться белой точки, которой уже не было.

— Я должен был приехать на заседание, — сказал он.

Мира замерла.

— Мы уже говорили.

— Нет. Я произнёс правильную фразу. Это не то же самое.

Она положила хлеб.

Александр чувствовал, как внутри поднимается привычное желание остановиться. Отложить разговор до момента, когда появятся точные слова. Когда эмоция станет старой и безопасной.

Моменту могло не быть.

На экране шли секунды.

09:57:42

— Я не приехал не потому, что опаздывал, — сказал он.

— И не потому, что моё присутствие ничего не изменило бы. Я испугался увидеть, что ты больше не считаешь меня человеком, на которого можно опереться. Чем дольше я не ехал, тем сильнее боялся. Потом решил, что отсутствие будет менее унижительным, чем опоздание.

Мира смотрела на него через прозрачную стену.

— Для кого менее унижительным?

— Для меня.

Он не отвёл взгляд.

— Я выбрал себя. А потом объяснил это логикой.

Вентиляция зашумела громче.

Один из генераторов изменил обороты. Лампы едва заметно дрогнули, но не погасли.

— Я ждала тебя до конца, — сказала Мира. — Даже когда заседание закончилось. Сидела в пустом коридоре и думала, что ты всё-таки появишься.

— Знаю.

— Не знаешь.

— Теперь знаю.

— Нет. Ты знаешь факт.

Она подошла вплотную к перегородке.

— Я не хотела, чтобы ты меня защищал. Я уже понимала,

какое будет решение. Мне нужно было выйти из той комнаты и увидеть знакомое лицо. Одно. Любое. Но я хотела твоё.

Александр тоже подошёл.

Между их лицами оставалось несколько сантиметров пластика.

— Мне жаль.

— Я знаю.

— Этого недостаточно.

— Нет.

Мира подняла ладонь и остановила её возле перегородки, не касаясь.

— Но впервые ты не пытаешься сделать так, чтобы было достаточно.

Александр поднял правую руку.

Их ладони не соприкоснулись.

Между ними оставалась стенка.

В этот момент чёрная точка на левой руке похолодела.

Не резко.

Почти бережно.

Как металл, оставленный на подоконнике зимой.

По пластику между Александром и Мирой прошла тонкая белая линия.

Они одновременно отступили.

Линия выросла из точки напротив его груди и спустилась к полу.

Не трещина.

Иней.

Он расходился по перегородке ветвями, повторяя рисунок, который раньше находился под кожей Александра.

— Не двигайся, — сказал он.

Мира замерла.

Иней дошёл до уровня её ладони.

На другой стороне возникла тёмная точка.

Не на коже.

Внутри пластика.

Она расширилась до размеров монеты.

За ней была ржавая рубка.

Другой Александр стоял у окна.

На этот раз совсем близко.

Его лицо занимало почти всё отверстие. Шрам на щеке стал глубже, чем Александр видел раньше. Под глазами лежали тёмные круги. Волосы были мокрыми.

Он ничего не писал.

Не показывал цифр.

Медленно поднял левую руку.

В центре ладони находился чёрный след — намного больше настоящего. Он занял почти всю середину кисти, оставив вокруг тонкий ободок посеревшей кожи.

Другой Александр указал на него пальцем.

Потом — на чёрную точку в ладони настоящего Александра.

Затем коснулся виска.

И перевёл взгляд на часы над пультом.

Томас приблизился к перегородке.

— Что он показывает?

Александр не ответил.

За последние часы они нашли девять файлов.

Каждый файл сверяли с журналами.

С временными отметками.

С записями датчиков.

С его рассказом.

С тем, что видел он.

Девять независимых копий свели к одному источнику истины.

К человеку, который первым коснулся пластины.

Чёрная точка в ладони стала не просто следом.

Она хранила фазу объекта так же, как матрица камеры хранила распределение света.

Не изображение.

Измеренное состояние.

Другая рука за стеклом дрогнула.

Обратный отсчёт погас.

На несколько секунд экран стал полностью чёрным.

Потом цифры вернулись.

04:17:00

Эмма вскрикнула.

Секунды пошли вниз.

04:16:59

04:16:58

— Что произошло? — спросил Мадсен.

Александр смотрел на собственную ладонь.

— Девять файлов мы сверили с судовым журналом.

— И что?

— С моими показаниями. Моим временем. Моим восприятием.

Он поднял руку.

— Мы сделали меня точкой отсчёта.

Мира поняла первой.

— Десятая копия.

— Не файл.

Александр посмотрел на другого себя.

— Десятым контуром был я.

Другой Александр закрыл глаза.

На мгновение его лицо стало спокойным.

Не облегчённым.

Пустым.

Потом за его спиной загорелся аварийный свет.

Красные лампы поочерёдно осветили помещение.

Нильс лежал возле пульта.

Томас сидел у стены, прижимая руку к животу.

Эммы и Йонаса не было.

Мира стояла у окна.

Седая.

Она смотрела не на границу.

На другого Александра.

В её руке находился медицинский инъектор.

Он был направлен не в грудь.

Не в шею.

Не в голову.

В левую ладонь Александра.

Точно в чёрный след.

Другой Александр протянул руку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.